

Група па даследаванні нонканфармізму ў БССР “Кружэлка”

Калектыўны зварот студэнтаў-філосафаў 1981 года

Менск 2014

ЗМЕСТ

Прадмова	4
<i>Уладзімір Валодзін. Калектыўны зварот студэнтаў філасофіі БДУ (1981 год) як з'ява грамадскага жыцця ў БССР часоў позняга застою</i>	5
Праатакол камсамольскага сходу IV курса аддзялення філасофіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Мінск, 14 траўня 1981 г. (<i>Падрыхтаваны да друку Уладзімірам Валодзіным</i>)	21
<i>Леонід Свердлов. Технология рассмотрения персональных дел, связанных с инакомыслием, в БССР в последние годы Брежневского застоя</i>	36

Шаноўныя чытачы!

Гэтая брашура з'яўляецца вынікам невялікага даследчага праекта, прысвечанага маладаследванаму эпізоду з гісторыі Беларусі — калектыўнаму звароту 1981 года студэнтаў філасофскага аддзялення Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Збор матэрыялаў праходзіў у 2013 годзе, іх асэнсаванне і афармленне ў тэксты — у 2014 годзе. Асэнсаваць тыя падзеі атрымалася толькі «ў першым набліжэнні». Некаторыя крыніцы (напрыклад, архівы КДБ) застаюцца недаступнымі. Некаторыя ўдзельнікі падзей (Алег Малашчук, Іна Войцкая, Аляксандр Жаўняровіч, многія тагачасныя выкладчыкі) скончылі свой зямны шлях. Такі актыўны ўдзельнік падзей як Вячаслаў Сцёпін нічога не прыгадаў пра калектыўны зварот студэнтаў. Мяркую, што тут ён быў бы не адзінока — многія тагачасныя ўніверсітэцкія супрацоўнікі на адміністратыўных пасадах і партыйна-камсамольскія кіраўнікі нічога б не ўзгадалі, калі ім задаць такое пытанне.

Зрэшты, апраўдваць сябе недаступнасцю крыніц — няўдзячная справа. На грунтоўнае асэнсаванне сабранага матэрыялу не хапіла ўседлівасці. Але трымаць матэрыял у шуфлядзе яшчэ некалькі гадоў у спадзяванні яго «дарабіць» было б неапраўдана. Дадзенае выданне не прэтэндуе на высокі палёт тэарэтычнай думкі ў асэнсаванні познесавецкага грамадства. Яно, хутчэй, мае на мэце апылюдніць матэрыял, каб яго мелі магчымаць інтэрпрэтаваць іншыя акадэмічныя даследчыкі і паспалітыя людзі.

Выданне пачынаецца артыкулам, у якім распавядаецца фэбула, а таксама даюцца некаторыя каментыцыі.

За ім ідзе даволі красамоўны архіўны дакумент.

Працягваецца брашура эсэ Леаніда Святрдлова, а завяршаецца трыма дадаткамі да эсэ — дакументамі з асабістага архіва Леаніда Святрдлова. Звязаная з Леанідам Святрдловым сюжэтная лінія, на маю думку, не асноўная, а бакавая. Эсэ займае ў брашуры адносна шмат месца таму, што менавіта Леанід Святрдоў вельмі жыва адгукнуўся на даследванне, дапамагаў матэрыяламі і па ўласнай ініцыятыве напісаў гэты тэкст. Скарачаць эсэ ці выкідаць дадаткі я палічыў немэтазгодным. Буду рады пабачыць у друку нарысы і ўспаміны іншых удзельнікаў падзей, у якіх выказваліся б іншыя пункты гледжання, падзеі паўставалі б у іншым святле.

Правадзёне даследавання і выданне брашуры сталі магчымамі дзякуючы неаслабнай сяброўскай падтрымцы маіх калег з групы па даследаванні нонканфармізму ў БССР «Кружэлка»: Насты Булак, Аліны Дзеравянкі, Таццяны Касатай і Тані Сяцко.

Заўвагі і прапановы прашу дасылаць на пошту групы «Кружэлка»: history.kruzhelka@gmail.com.

Уладзімір Валодзін

Калектыўны зварот студэнтаў філасофіі БДУ (1981 год) як з'ява грамадскага жыцця ў БССР часоў позняга "застою"

Уладзімір Валодзін

Значны пласт грамадска-палітычнага жыцця Беларусі часоў "адлігі" і "застою" застаецца малавядомым і маладаследаваным. Мова вядзеца пра нізавую, несанкцыянаваную "камуністычнай" партыяй ды іншымі ўладнымі інстытуцыямі грамадскую і палітычную актыўнасць, напрыклад: выступы працоўных за свае правы (даходзіла да забастовак), барацьба за правы вернікаў (вялася пераважна пратэстантамі), несанкцыянаванае жыллёвае будаўніцтва (што праўда, болей характэрна для познесталінскіх часоў), разнастайныя нефармальныя гурткі самаадукацыі і творчасці (дзе часта абмяркоўваліся зусім не "савецкія" ідэі і панавала далёкая ад сацрэалізму эстэтыка).

На падобныя з'явы звяртае ўвагу ў сваіх публікацыях па гісторыі Беларусі нямецкі даследчык Томас Бон [19; 20]. Некаторыя з падобных з'яў згадваліся ў публікацыях менскага Архіву найноўшае гісторыі [напрыклад: 26], які спыніў сваё існаванне.

Даволі выразна вылучаецца поруч з іншымі відамі гэткай дзейнасці студэнцкі нонканфармізм. Моладзь, якая яшчэ не да канца "сацыялізавалася", не да канца засвоіла прынятыя ў грамадстве канвенцыі, часцей за іншых робіць "няслушныя" ўчынкі. Студэнты ж, як найбольш адукаваны пласт моладзі, маюць вялікую схільнасць да інтэлектуальных (у тым ліку палітычных) "адхіленняў". Хаця ва ўмовах БССР вальнадумства рэдка пераходзіла ў актыўную палітычную дзейнасць, але ў многіх выпадках знаходзіла выхад у рознага кшталту неартадаксальных учынках (напрыклад, напісанні петыцый ці памнажэнні самвыдаву). Гэтае вальнадумства складала неад'емную частку паслясталінскай эпохі.

Калектыўны зварот студэнтаў філасофіі БДУ 1981 года быў надзвычай цікавым і даволі характэрным эпізодам грамадскага жыцця БССР. З аднаго боку, гэта адзін з прыкладаў характэрнай для «застою» ў Беларусі петыцыйнай барацьбы. З іншага боку, гэта ўзор самаарганізацыі студэнтаў. Вядомыя іншыя падобныя калектыўныя лісты студэнтаў, напрыклад, ліст студэнтаў беларускага аддзялення філалагічнага факультэта БДУ з патрабаваннем перавесці выкладанне на беларускую мову (1968 год). Апошні даволі добра асветлены ў мемуарнай літаратуры [напрыклад: 18; 22, с. 208-210; 25, с. 134-137].

Яшчэ падчас навучання на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (БДУ) праз вусную традыцыю (ад адной з выкладчыц у часе семінара) аўтар гэтага тэксту разам з іншымі студэнтамі сваёй групы, даведаўся пра “бунт філосафаў” пачатку 1980-х гадоў. Легенда пра філосафаў з’яўляецца часткай фальклору гісторыкаў з той прычыны, што да 1989 года асобнага факультэта для першых не існавала, а існавала аддзяленне філасофіі гістарычнага факультэта БДУ.

Пошукі літаратуры па гэтым пытанні амаль нічога не давалі. Адзінай публікацыяй працяглы час заставалася кароткая, на адну старонку нататка Ігара Бабкова ў даведніку “Дэмакратычная апазыцыя Беларусі: 1956-1991” [17]. Значна пазней з’явілася публікацыя фрагмента дзённіка Міхала Дубянецкага, прысвечанага згаданым падзеям. У дзённікавым запісе ад 28 студзеня 1985 года Дубянецкі апавядае пачутую ад свайго сябра, выкладчыка аддзялення філасофіі Мікалая Галенкі гісторыю Алега Малашчука [23]. На гэтым літаратура па пытанні вычэрпвалася. Легенда ж была дастаткова інтрыгуючай, каб паспрабаваць прасачыць яе вытокі.

Паколькі пры планаванні даследавання не было пэўнасці, што архіўныя крыніцы захаваліся і яны з’яўляюцца дастаткова інфарматыўнымі, было вырашана звярнуцца таксама да вуснагістарычных крыніц. Як выявілася пазней, такі зварот быў апраўданы, бо хаця адкрытыя архіўныя крыніцы захаваліся у дастатковай колькасці, але адлюстроўваюць сітуацыю аднабакова, у некаторых утрымліваюцца прамы падлог.

Былі запісаныя вусныя ўспаміны 10 удзельнікаў і сведак падзей, пераважна былых студэнтаў філасофскага аддзялення гістарычнага факультэта БДУ (успаміны запісваліся мной, Уладзімірам Валодзіным, і Настассяй Булак).

Датычныя тэмы дакументы былі знойдзеныя ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь і ў Дзяржаўным архіве Мінскай вобласці, у першую чаргу сярод былых камсамольскіх дакументаў. Копіі некалькіх каштоўных дакументаў са свайго асабістага архіва перадаў Леанід Свядлоў.

На аснове знойдзеных матэрыялаў была падрыхтавана і 26 кастрычніка 2013 года праведзена экскурсія “Дзень філосафа-81”. 29 лістапада 2013 года быў праведзены круглы стол “Калектыўны зварот студэнтаў-філосафаў 1981 года: значэнне для сённяшняй Беларусі”, на якім сустрэліся прафесійныя гісторыкі і ўдзельнікі падзей. Да круглага стала Леанід Свядлоў напісаў эсэ, якое публікуецца ў дадзенай брашуры (гл. с.36). Вынікі даследавання часткова публікаваліся ў папулярным артыкуле, прысвечаным лёсу Алега Малашчука [21], агучваліся на канферэнцыі “Верасень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі” (Менск, 26-27 верасня 2014 г.;

матэрыялы канферэнцыі знаходзяцца ў друку) і на Міжнародным кангрэсе даследчыкаў Беларусі (Каўнас, 3-5 кастрычніка 2014 г.).

Завязкай для падзей на аддзяленні філасофіі паслужыў нязначны, здавалася б, выпадак у пачатку красавіка 1981 года. Узгадвае Віктар Ламака, тады студэнт II курсу: «Аднойчы Анатоль Агапеевіч Круглоў вёў семінар па навуковым атэізме, і я ў яго нешта спытаў. Але замест адказа пачуў: "Ламака, ты дурак или притворяешься?" Мы выйшлі на калідор на перапынак. І нашы дзяўчаты пачалі абурацца: "Што гэта ён сабе дазваляе?!" Ну, і пайшло, сталі ўзгадваць хто з выкладчыкаў мае якія хібы» [2].

Так неўзабаве ўтварылася група па напісанні калектыўнага звароту, у якім былі б пералічаныя ўсе крыўды і пажаданні студэнтаў. Да складання ліста далучыліся муж drugaкурсніцы Іны Войцкай студэнт IV курсу Валеры Залатар ды яго сябры. Узгадвае колішняя студэнтка II курсу Ірына Нікіціна: «Подготовительные мероприятия проходили в Крыжовке, там, где жили Валера и Инна. Там была я, была моя однокурсница Галя Квасинович. И однокурсники Золотаря, я точно помню — это Косич и Шихутин. В сущности, письмо было невинным» [9].

На жаль, тэкст калектыўнага звароту страчаны, таму поўны спіс патрабаванняў немагчыма аднавіць. Архіўныя дакументы адназначна кажуць пра два галоўныя патрабаванні студэнтаў: вольнае наведванне заняткаў і стварэнне камітэта студэнцкага кантролю за навучальным працэсам [12, ф. 205, воп. 16, спр. 832, арк. 64; 12, ф. 205, воп. 18, спр. 312, арк. 9]. Але агульная колькасць пунктаў набліжалася да тузіна.

Колішняя студэнты прыгадалі, што некаторых не дастаткова кваліфікаваных выкладчыкаў або прафесараў-сталіністаў (напрыклад, Кляўчэню) студэнты прасілі замяніць на іншых [7]. Прасілі развесці ў часе спецкурсы на спецыялізацыях "філасофія" і "сацыялогія", каб з'явілася магчымасць наведваць дадаткова спецкурс не свайго профілю (некаторыя выкладчыкі –

Прафесар Вячаслаў Сцёпін чытае лекцыю на аддзяленні філасофіі БДУ. Канец 1970-х - пачатак 1980-х. Фотаздымак Таццяны Буйко

Сцёпін, Крукоўскі – чыталі вельмі цікава) [3]. Таксама былі прапановы скараціць колькасць гадзін на гісторыю КПСС і павялічыць на філасофскія дысцыпліны [7]. Турбавалі студэнтаў філасофіі і бытавыя праблемы: некаторыя заняткі праходзілі ў аўдыторыі пад спартзалай, і шум ад баскетбольнага мяча не даваў сканцэнтравання; графік заняткаў у другую змену быў нязручным, бо замінаў самастойнай працы ў бібліятэках [3].

Каб надаць звароту афіцыйнасці, студэнты вырашылі абмеркаваць і зацвердзіць яго на камсамольскіх сходах. 13 красавіка такі сход сабраўся на II курсе філасофскага аддзялення [12, ф. 205, воп. 18, спр. 317, арк. 63], 18 красавіка – на IV курсе [7], на некалькі дзён пазней – на III курсе. Пераважная большасць студэнтаў гэтых курсаў пад зваротам падпісалася.

Узгадвае тагачасны чацвэракурснік Леанід Свядлоў: «Я зашёл в аудиторию. Сидит народ. Говорят, собрание. И, по-моему, Витя Шихутин говорит, что вот тут студенты-второкурсники, предлагают такое дело. Прочитал. Я тогда впервые увидел текст этого "Обращения...". Я подписал, передал дальше. Люди подписывали, особо не заморачиваясь, поскольку не видели в этом никакой крамолы» [3].

Не бачыла ніякай крамолы ў гэтым лісце і Таццяна Буйко, тады камсорг IV курса аддзялення філасофіі, якая склікала сход па просьбе стваральнікаў дакумента [7].

Хутчэй за ўсё, пра збор подпісаў было вядома і ў КДБ, і ў дэканаце гістарычнага факультэта, і ў партыйнай арганізацыі гістфака (інфарматары былі ў кожнай групе). Але да пэўнага часу гэтая дзейнасць не перапынялася. Верагодна, кіруючыя і карныя органы чакалі Дня філосафа, які ў 1981 годзе адзначаўся 23 красавіка. На Дзень філосафа рабіліся спектаклі-"капуснікі", стваралася "сцяна студакратыі" (на сцяну вывешваліся вялікія аркушы паперы, на якіх студэнты маглі пісьмова выказацца). У той год 23 красавіка з-за галалёду не хадзіў грамадскі транспарт, спектакль сарваўся і найбольш рызыкаўныя жарты не прагучалі. На думку Леаніда Свядлова, калі б сатырычная пастаноўка "Чацвёрты Рым" адбылася ў поўным памеры, студэнтаў чакала б значна больш жорсткая і рэзкая расправа [3]. Але хтосьці зняў і схаваў расклад заняткаў аддзялення філасофіі, а таксама схаваў журналы наведвання, пасля чаго II курс прагуляў пары.

Гэта было выкарыстана як "зачэпка" для рэпрэсій.

Спачатку шляхам гутарак з асобнымі студэнтамі збіралася інфармацыя і вялося запалохванне. Студэнтаў інструктавалі, каб яны "правільна" сябе паводзілі ў далейшым, у тым ліку занялі "правільную" пазіцыю ў дачыненні да звароту і яго складальнікаў. Гутаркі праводзілі партыйныя і камсамольскія

кіраўнікі, выкладчыкі, а таксама супрацоўнікі КДБ. Студэнт II курса Алег Малашчук пасля гутаркі з супрацоўнікамі КДБ сышоў з універсітэту службы ў войска [1]. Ён спадзяваўся такім чынам пазбегнуць выключэння з універсітэта, але ўсё адно быў выключаны. На некаторых спрабавалі «націснуць» праз бацькоў (калі бацькі належылі да партыйнай эліты або кіраўнікоў, ці былі выкладчыкамі ўніверсітэта). Асобныя студэнты выкрэслілі свае подпісы з падпісных аркушаў [3].

Прынятыя меры апісаны ў дакладзе сакратара партбюро гістарычнага факультэта БДУ дацэнта Міхаіла Піліпенкі на справаздачна-выбарчым партыйным сходзе гістарычнага факультэта 29 траўня 1981 года. Тут жа знаходзіцца і сціслы выклад таго, што не спадабалася партыйнай арганізацыі факультэта ў звароце студэнтаў:

«При рассмотрении вопроса о воспитательной работе со студентами на отделении философии были отмечены, в частности, недостатки в организации учебно-воспитательного процесса, которые оказывали негативное влияние на моральный климат в студенческом коллективе этого отделения. Была ослаблена воспитательная работа преподавателей со студентами, снижена требовательность к студентам. Партбюро обратило внимание партийных групп философских кафедр и студенческой партгруппы философского отделения на низкий идейно-политический уровень части студентов отделения философии, что нашло выражение в составлении и сборе подписей под так называемым обращением студентов второго курса отделения философии с предложением свободного посещения лекций и создания студенческого комитета по контролю за учебным процессом, в

Студэнты аддзялення філасофіі на занятках

нарушении организационных принципов и норм деятельности комсомольской организации отделения. Партбюро обязало философские кафедры, их партийные группы устранить недостатки в организации учебно-воспитательного процесса, усилить воспитательную работу преподавателей со студентами. Членами партийного бюро Царюк И. О., Пилипенко М. Ф., Сальковым А. П., Аксютцем П. Г., Лойко А. И., коммунистами философского отделения Степиным В. С., Писаренко И. Я., Пашкевич А. Н., Скикевичем А. А. была проведена большая разъяснительная работа со студентами философского отделения. Было проведено собрание партийной группы философского отделения, комсомольские собрания на курсах и отделении. На комсомольских собраниях были осознаны и осуждены допущенные комсомольцами философского отделения ошибки» [12, ф. 205, воп. 16, спр. 832, арк. 63-64].

У такой ситуації студэнты-другакурснікі вырашылі схаваць тэкст звароту і падпісныя аркушы. Яны перадалі іх куратарцы свайго курса Але Мікалаеўне Пашкевіч, якую лічылі надзейнай [Тэлефонная размова з Ірынай Нікіцінай, 26 снежня 2013 года; 3]. Пры гэтым публічна было абвешчана, што тэкст знішчаны.

Што зрабіла Ала Мікалаеўна з гэтым дакументам у далейшым, невядома.

Злева направа: Алег Малашчук, Алесь Камоцкі (стаяць), невядомы, Віктар Ламака (сядзяць). Мінск, 1980(?)

6 траўня 1981 года адбылося пасяджэнне камітэта камсамола гістарычнага факультэта, на якім было вырашана выключыць з камсамолу і хадайнічаць аб выключэнні з універсітэта студэнтаў II курса Аляксандра Жаўняровіча (які нібыта "похитил" расклад заняткаў), Іны Войцкай і Віктара Ламакі ў сувязі з іх удзелам у складанні звароту [11, ф. 174п, воп. 22, спр. 57, арк. 78-82]. Яшчэ 13 чалавек з II курса атрымалі строгія вымовы і вымовы "за зрыў заняткаў". Іна Войцкая была

выключана з камсамолу, а затым і з універсітэта. Віктару Ламаку як выдатніку і актыўнаму ўдзельніку грамадскага жыцця выключэнне з камсамолу замянілі на строгую вымову з занясеннем ва ўліковую картку.

Пад пагрозай выключэння з універсітэта, якое наступіла б за выключэннем з камсамола, А. Жаўняровіча прымусілі напісаць ілжывую дакладную са сведчаннямі супраць студэнта IV курса Леаніда Свяддлова [3]. І ўжо 7 траўня бюро камітэта камсамола БДУ замест выключэння з камсамола дало Жаўняровічу строгую вымову з занясеннем ва ўліковую картку [12, ф. 205, воп. 18, спр. 315, арк. 172]. Да дакладной Жаўняровіча далучылі дакладныя студэнтаў Сяргея Мішука, Максіма Жбанкова і Васіля Кудраўцава [12, ф. 205, воп. 18, спр. 318, арк. 73-76; 11, ф. 174п, воп. 22, спр. 57, арк. 66-71], пасля чаго 13 траўня выключылі Л. Свяддлова з камсамола.

Арыгінал пратакола пасяджэння камітэта камсамола гістфака ад 6 траўня быў у далейшым знішчаны і заменены пратаколам іншага паседжання (ад 13 траўня, але пад тым самым нумарам 14) [12, ф. 205, воп. 18, спр. 325, арк. 52-54], але ў іншых архіўных справах захаваліся выпіскі з пратакола ад 6 траўня і яго копія [12, ф. 205, воп. 18, спр. 317, арк. 132].

Муж выключанай з універсітэта Іны Войцкай чацверакурснік Валеры Залатар, які прымаў актыўны ўдзел у складанні звароту, вырашыў перавесціся на завочнае аддзяленне, каб пазбегнуць выключэння. Яго перавялі, але потым выключылі ўжо з завочнага. Завяршыць вышэйшую адукацыю Войцкая і Залатар здолелі толькі ў гады перабудовы [10].

У траўні 1981 года на курсах філасофскага аддзялення і аддзяленні ў цэлым праводзіліся камсамольскія сходы, на якіх «былі осознаны і осуждены допущенные комсомольцами философского отделения ошибки». На IV курсе такі сход прайшоў 14 траўня, але пайшоў не па загадзя спланаваным сцэнары. Большасць студэнтаў хаця і асудзіла форму звароту, але не пагадзілася з выключэннем Леаніда Свяддлова з камсамола. Сакратар камітэта камсамола гістарычнага факультэта Пётр Аксцюц, сакратар партыйнай арганізацыі гістфака Міхаіл Піліпенка, сакратар камітэта камсамола БДУ Аляксандр Рухля і куратар IV курса Аляксандр Скікевіч не здолелі пераканаць студэнтаў у слушнасці выключэння Свяддлова. Захаваўся пратакол гэтага сходу. Каштоўнасць гэтага дакумента ў тым, што ён напісаны не камсамольскімі ці партыйнымі функцыянерамі, а непасрэдна камсамолкамі з IV курса. Адпаведна, дакумент значна больш дакладна перадае аргументацыю бакоў. Больш за тое, ён даволі дэталёва перадае аргументацыю студэнтаў, чаго няма або амаль няма ў дакументах «зверху». Гэты пратакол прыводзіцца ў дадзенай брашуры цалкам (гл.с. 21-35).

15 траўня бюро камітэта камсамола БДУ зацвердзіла выключэнне

Леаніда Свядлова, але той вырашыў супраціўляцца. Ён падаў апеляцыю ў гаркам камсамола, потым – у абкам. Апеляцыя дайшла да ўзроўню ЦК ЛКСМБ і толькі там выключэнне было замененае на строгую вымову з занясеннем у асабістую картку [3; 11, ф. 174п, воп. 22, спр. 57; 11, ф. 370п, воп. 4, спр. 75, арк. 1-2].

Варта адзначыць, што Іна Войцкая таксама спрабавала абскардзіць сваё выключэнне з камсамола. Але яе сітуацыя была ўскладнена пропускаямі заняткаў і не здадзеным залікам па так званай «грамадска-палітычнай практыцы» [12, ф. 205, воп. 18, спр. 317, арк. 61]. Маскоўскі райкам камсамола апеляцыю Іны Войцкай адхіліў і зацвердзіў рашэнне аб яе выключэнні з камсамола [11, ф. 527п, воп. 2, спр. 230, арк. 33]. Больш яна, відаць, абскарджваць выключэнне не спрабавала.

Трагічным быў лёс Алега Малашчука. Нагадаю: напалоханы супрацоўнікамі КДБ, ён пайшоў службы ў войска. Але не вытрымаў і дэзерціраваў, яго знайшлі і асудзілі на два гады дысцыплінарнага батальёна. Агулам яму давялося адслужыць амаль тры гады. Вясной 1984 года Алег Малашчук дэмабілізаваўся, нейкі час працаваў у Брэсце на адным з прамысловых прадпрыемстваў, а летам паспрабаваў узнавіцца ва ўніверсітэце. Яму некалькі разоў паслядоўна адмовілі дэкан гістарычнага факультэта Іраіда Царук, а потым прарэктар Яўген Пятраеў. 26 ліпеня 1984 года Алег Малашчук выкінуўся на плошчу Леніна з шостага паверха галоўнага корпуса БДУ [Постановление ст. пом. прокурора Московского района г. Минска М. Пролесковской об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти Малашчука Олега Сергеевича. 2 августа 1984 г. Копия // 13].

Падрабязней прычыны і абставіны смерці Алега Малашчука былі раней разгледжаныя ў артыкуле “Смерць студэнта” [21].

Цікава прасачыць далейшы лёс некаторых камсамольскіх функцыянераў, што актыўна ўдзельнічалі ў траўлі студэнтаў аддзялення філасофіі.

Вызначыўся ў барацьбе з ініцыятывай студэнтаў-філосафаў сакратар камітэта камсамола гістарычнага факультэта БДУ Пётр Аксючыц, выпускнік аддзялення гісторыі 1981 года. Вось як ён выказваўся пра зварот студэнтаў у сваім дакладзе на справаздачна-выбарчай камсамольскай канферэнцыі гістарычнага факультэта БДУ 29 кастрычніка 1981 года (дазволю сабе вялікую цытату, бо яна добра характарызуе як дух часу, так і асобу Пятра Аксючыца; некаторыя асаблівасці правапісу арыгінала захаваны):

«Но, к сожалению, в организационной работе мы имели немало недостатков.

У аўдыторыі. У першым шэрагу - Наталля Тапорчыкава (справа) ды Ірына Нікіціна, за імі - Ірына Лістападская, у паўабарота - Б. Мроўка (студэнтка з Польшчы), відно С. Тышкевіч

В первую очередь – это непонимание некоторых комсorghов своей роли в жизни и деятельности группы, незнание элементарных вещей по проведению комсомольских собраний, неумение организовать хорошее мероприятие, а иногда, и подчинение мнению далеко не лучших комсомольцев, студентов.

Из рук плохо проработало комсомольское бюро бывшего 2-го курса отд. философии (секретарь Топорчикова). В этой группе ввели практическое руководство академически неуспевающие студенты, прогульщики занятий. И вместо того, чтобы им помочь, или показать, получилось все наоборот. Эти студенты проводят собрания без решения бюро, предлагают голосовать и подписываться под документом, где требуется вводить свободное посещение (а сами его уже практически устроили), снимать определенные спецкурсы и спецсеминары (которые, кстати, будут еще только на 4-ом курсе).

Вместо того, чтобы принципиально разобраться, все обсудить Топорчикова сослалась на то, что ее якобы не было и она ничего не знала, повела на комитете комсомола и в дальнейшем вызывающе.

Хорошо внедрялся в комсомольской группе бывшего 4-го курса отд. философии (секретарь Буйко) принцип всем известного Леонида Свердлова – "долгой организационные принципы ВЛКСМ, проводим комсомольское собрание как хотим". И это привело к проявлению политической наивности комсомольцев, некоторые занимали крайне не принципиальную позицию в решении жизненно важных вопросов для группы. В этой группе собрания проводились в форме "пятиминутки", "семиминутки" и т. д. Секретарь и кто-либо предлагал что-то и вместо того, чтобы обсудить эти вопросы, голосовали, по ходу записывали решение.

Какой комсомольский откровенный разговор может получиться, когда секретарь комсомольского бюро курса сидит на столе, положив туда и ноги, перед ней сидит президиум, повестки собрания нет, ясности о чем говорить тоже нет.

И опять-таки, и здесь крайне вызывающая позиция у Буйко.

[...]

Товарищи, все это вызывает тревогу и потому, что все мы студенты исторического факультета, факультета идеологического. Кому как не нам руководить общественными организациями, участвовать в партийной, комсомольской деятельности в более широких масштабах, чем факультет и университет» [12, ф. 205, воп. 18, спр. 325, арк. 16-17].

«Все вы хорошо помните "наскучивший" вопрос ком[сомольской] организации отд[еления] философии. Два весенних месяца вскрыли для нас очень серьёзные пробелы в работе комитета комсомола с низовыми комсомольскими организациями. Комитет комсомола не знал, что творится в группах, чем живут комсомольцы. Работа комитета комсомола с отделением философии сводилась лишь к контакту с бюро отд. философии, да и то контроль за выполнением своих поручений был налажен слабо. Комсорг со своим бюро увлёкся поиском новых форм комсомольской работы. Некоторыми комсомольцами этого отделения была проявлена элементарная политическая наивность, разрыв между теоретическими знаниями марксистско-ленинской философии и применением этого на практике. Наконец, часть комсомольцев просто потеряла чувство своего достоинства – подписали бумагу сомнительного содержания без предварительного прочтения.

Сегодня должен сказать, что, к сожалению, до сих пор всё прошедшее воспринято некоторой частью комсомольцев отд[еления] философии не с должной серьёзностью и ответственностью, в первую очередь, я имею в виду тот самый 3-ий курс» [12, ф. 205, воп. 18, спр. 325, арк. 25].

Неўзабаве Пятра Аксючыца запрасілі працаваць у КДБ (нагадаю, супрацоўнікі гэтай спецслужбы актыўна цікавіліся зместам звароту і праводзілі "прафілактычную" працу на гістарычным факультэце ў сувязі з ім). У гэтай арганізацыі Аксючыц даслужыўся да звання палкоўніка і пасады начальніка ўпраўлення КДБ РБ па Брэсцкай вобласці (займаў пасаду ў 2000-2005 гадах). Зволеным са службы Пётр Аксючыц быў у сувязі з карупцыйным скандалам на мытні «Заходні Буг» (крымінальныя справы па злачынствах на гэтай мытні вяла вядомая следчая пракуратуры Святлана Байкова, у далейшым асуджаная за злоўжыванне службовымі паўнамоцтвамі). У адрозненне ад некаторых іншых фігурантаў гэтых справаў, Аксючыц не стаў чакаць, пакуль выпішучь ордэр на яго арышт, і з'ехаў з Беларусі. Некалькі гадоў ён знаходзіўся ў міжнародным вышуку, яго фотаздымак можна было знайсці на сайце інтэрпола [28; 29]. Але з сайта інтэрпола інфармацыя пра Аксючыца знікла; верагодна, гэта значыць, што крымінальны пераслед яму больш не пагражае.

Аляксандр Рухля ў 1981 годзе быў сакратаром камітэта камсамола Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і малодшым навуковым супрацоўнікам НДІ фізіка-хімічных праблем БДУ. Ён не толькі ў адпаведнасці з пасадай зацвярджаў рашэнні аб выключэнні з камсамола Іны Войцкай і Леаніда Святлова, але і хадзіў на гістарычны факультэт, асуджаў паводзіны студэнтаў на камсамольскіх сходах (у тым ліку з трыбуны). Наогул, праявіў сябе даволі цынічным і актыўным «вінцікам» партыйна-дзяржаўнай машыны. У сваім справаздачным дакладзе на XXIX справаздачна-выбарчай камсамольскай канферэнцыі БДУ 28 лістапада 1981 года Аляксандр Рухля казаў:

«Товарищи! Формирование диалектико-материалистического, марксистско-ленинского мировоззрения студенческой молодежи не сводится к сумме полученных ею знаний. Комитеты комсомола, с помощью кафедр общественных наук должны направлять всю свою деятельность на превращение знаний по марксистско-ленинской теории, полученных студентами, в глубокие внутренние убеждения, в фактор, определяющий социальную позицию личности будущего специалиста, его социально-политическую активность, ответственность за создание нового и прогрессивного. Отсутствие должного внутреннего убеждения при современном обострении борьбы двух противоположных идеологий, при разветвленной зарубежной сети идеологической обработки молодежи буржуазными идеологами, порождает ту самую "политическую наивность", о которой говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС.

К сожалению, факты проявления такой наивности имели место среди комсомольцев нашего университета. Так студенты II курса отделения философии Малащук, Войцкая, Каленко, Ломако, студенты IV курса Свердлов, Золотарь и некоторые другие создали обращение, в котором требовали свободное посещение занятий. В число подвижников этого обращения входила и член комитета комсомола университета т. С. Моргайлик. В этом документе, выдержанном в демагогическом, критиканском тоне, в извращенном свете рассматривались некоторые вопросы организации учебно-воспитательного процесса на отделении, вносились предложения претенциозного, политически безответственного характера. Обращение выдавалось за решение комсомольского собрания II курса, под ним собирались подписи студентов III и IV курсов. Самое обидное в том, что среди студентов, подписавших обращение, знавших о его создании, были коммунисты, комсомольские активисты и никто не считал нужным положить конец этой затее. Комитетом комсомола, партийным

комитетом были приняты соответствующие меры в отношении инициаторов этих событий. Сегодня мы должны выразить упрек комсомольской организации исторического факультета (секретарь Аксючиц) за отсутствие контроля деятельности комсомольской организации отделения философии, за недостаточный контакт с кафедрой философии гуманитарных факультетов. Мы понимаем, что в большой мере вина ложится на комитет комсомола университета. При правильном и своевременном реагировании комсомольского актива на события, происходящие на философском отделении, нам не пришлось бы говорить об этом сегодня.

Комитету комсомола исторического факультета необходимо в корне перестроить свою работу с кафедрой философии, вместе с партийной организацией добиться устранения имеющихся в учебно-воспитательном процессе недостатков, взять под строгий контроль всю деятельность комсомольской организации философского отделения, принять активное участие в подборе контингента абитуриентов, поступающих на это отделение» [12, ф. 205, воп. 18, спр. 312, арк. 9-10].

Аляксандр Рухля зрабіў добрую кар'еру, часта змяняючы працу. Сярод іншага, ён паспеў пабыць дарадцам-пасланнікам пасольства Беларусі ў Германіі (1994-1996), прарэктарам БДУ пры Аляксандры Казуліне і перакладчыкам трэнера зборнай Беларусі па футболе Берндта Штанге.

У 2011 годзе ў інтэрв'ю Аляксандр Рухля так выказаўся пра сваё камсамольскае мінулае: «Я воспитывался на комсомоле и действительно верил во все идеалы. Смотрю порой эти фильмы про партию, про то, какое там бл...о творилось. У нас, честно, такого же не было» [27]. Цяжка зразумець, што меў на ўвазе Аляксандр Рухля, калі ў падпарадкаванай яму арганізацыі фальсіфікаваліся дакументы, а студэнты выключаліся з універсітэта за нязначныя (каля)палітычныя правіны па хадайніцтве за подпісам самога Рухлі.

У 1981 годзе падначаленым Аляксандра Рухлі быў Аляксандр Казулін (потым, у першай палове 2000-х гадоў Рухля стане падначаленым Казуліна). У 1981 годзе Казулін працаваў стажорам-выкладчыкам кафедры дыферэнцыйных раўнанняў і таксама рабіў камсамольскую кар'еру (быў сакратаром камітэта камсомола механіка-матэматычнага факультэта) [31, с. 283-284]. Ён праводзіў гутарку з камсоргам IV курса аддзялення філасофіі Таццянай Буйко, пераконваючы яе не адстойваць зварот студэнтаў, асудзіць яго. Верагодна, гутарыў Казулін і з іншымі студэнтамі. Таццяна Буйко засталася на сваіх ранейшых пазіцыях, што можна бачыць з апублікаванага ў дадзенай брашуры пратакола камсамольскага сходу. Саму яе больш не чапалі, не накладалі на яе спагнанняў (верагодна, з-за таго, што яна была цяжарная). Але з яе бацькам, які працаваў прафесарам у Вышэйшай

партыйнай школе, правялі гутарку, якая вылілася потым у сямейную сварку [7].

Кар'єрныя дасягненні Аляксандра Казуліна вядомыя: у 1996-2003 гадах ён быў рэктарам БДУ, а ў 2006 – адным з апазіцыйных да Лукашэнкі кандыдатаў на выбарах прэзідэнта. Уласна, сыход у палітыку і ўдзел у выбарах былі нечаканымі крокамі для Казуліна, які ў ранейшым жыцці быў камсамольскім актывістам, потым чыноўнікам і "праводзіў лінію партыі і ўрада", якім бы той урад ні быў.

Хаця Валеры Залатар ды Іна Войцкая былі заўважаны ў несавецкім ладзе думак, але пераважная большасць студэнтаў, якія падпісалі зварот, стараліся быць добрымі камсамольцамі і не ставілі пад пытанне пануючы лад. Чым жа тады была выклікана такая рэакцыя на іх сціплы зварот?

Людміла Аляксеева ў сваёй знакамітай кнізе "Гісторыя іншадумства ў СССР", напісанне якой было скончана ў 1983 годзе, праводзіць перыядызацыю праваабарончага руху. І апошні на той час перыяд яго развіцця (1979-1983 гады) характарызаваўся ці не найбольшымі пасля сталінскага часу рэпрэсіямі. У іх выніку многія арганізацыі перасталі існаваць (іх удзельнікі апынуліся або ў зняволенні, або за мяжой), перасталі выходзіць ключавыя самвыдавецкія публікацыі (ў тым ліку "Хроніка текущих событий"). Пачаткам "генеральнага наступу" на іншадумства Людміла Аляксеева называе 1 лістапада 1979 года. У адрозненне ад папярэдніх брэжнеўскіх рэпрэсій, наступ ішоў адначасова на ўсе праявы іншадумства. Павялічылася колькасць арыштаў жанчын і прысуджэння ім рэальных лагерных тэрмінаў (а не ссылок ці ўмоўнага пакарання). Палітзняволеныя, чые тэрміны заканчваліся, асуджаліся паўторна на такія самыя тэрміны, нават не выходзячы з лагера. Суддзі сталі адкрыта парушаць крымінальна-працэсуальны кодэкс (напрыклад, не даваць абвінавачанаму апошняга слова). Стала немагчыма знайсці адваката (ўсе адвакаты баяліся брацца за палітычныя справы). У лагерах стаў больш жорсткім рэжым [16, с. 296-300]. Нічога дзіўнага, што і на тых, хто не ўдзельнічаў у праваабарончых, рэлігійных ці нацыянальных рухах (у нашым выпадку – на студэнтаў філасофіі), таксама распаўсюджвалася агульнае "пахаладанне".

Неадэкватна жорсткая рэакцыя функцыянераў КПСС і КДБ на зварот студэнтаў можа тлумачыцца таксама знешнепалітычнай абстаноўкай. У гэты час (1980-1981 гады) ў Польшчы напauлегальна дзейнічалі прафсаюз «Салідарнасць» і Незалежнае згуртаванне студэнтаў (Niezależne Zrzeszenie Studentów), быў папулярны лозунг "Не падпальвайце камітэты, стварайце камітэты". Улады СССР вельмі баяліся паўтарэння польскіх падзей у сваёй краіне і нервова рэагавалі на любыя спробы ствараць камітэты ці любыя

іншыя аб'яднанні знізу, а адным з патрабаванняў студэнтаў было стварэнне камітэта па кантролю за навучальным працэсам.

У празмерна "пільных" розумах кіраўнікоў КДБ любая ініцыятыва "знізу" бачылася праявай "ідэалагічнай дыверсіі", арганізаванай непасрэдна выведкамі капіталістычных краін. Вось што пісаў першы намеснік старшыні КДБ СССР Сямён Цвігун у сваім артыкуле 1981 года для часопіса "Коммунист". Спачатку – вызначэнне тэрміна:

«Идеологическая диверсия – это особая форма подрывной деятельности империализма, которая ведется специальными средствами и представляет собой прямое вмешательство во внутренние дела социалистических стран. Одно из основных направлений идеологической диверсии осуществляется специально организованными службами и строится целиком и полностью на грубейшем извращении фактов и прямой клевете, то есть на подрывной пропаганде, широко использующей радио, телевидение и печать, а также распространение ложных слухов. Второе ее основное направление – разведывательно-организационные подрывные акции с целью создания в нашей стране всевозможных легальных и подпольных враждебных групп, руководство их деятельностью, оказывание им политической, моральной и материальной поддержки.

Идеологическая диверсия, по замыслу ее авторов, рассчитана прежде всего на ослабление социалистического строя. Ее акции направлены против руководящей роли коммунистических партий и их влияния в массах, на "эрозию" коммунистической идеологии, насаждение буржуазного мировоззрения и, наконец, дезорганизацию политической и экономической жизни и возрождение капиталистических порядков в социалистических странах. Именно на это нацелена клеветническая пропагандистская кампания, развернутая в последнее время против Польши с целью дестабилизации этой страны и ее положения на международной арене» [30, с. 95-96].

І далей – пра тое, якім чынам "ідэалагічная дыверсія" закранае моладзь:

«Изыскиваются новые, изощренные приемы воздействия на различные категории советской молодежи. При этом антикоммунистические и антисоветские измышления облекаются в модные "теоретические" одежды. Усиленно пропагандируются, например, рассуждения об "исключительной" роли молодежи в современном мире, "автономной личности", навязывается тезис о необходимости "улучшения и демократизации советской модели социализма" и т. п. В ряде случаев классовому противнику удастся оказать негативное воздействие на отдельных молодых людей. В этом аспекте следует рассматривать попытки к образованию групп молодежи на основе увлечения "поп-музыкой", "западным образом жизни", сопровождаемые

хулиганскими и другими антиобщественными выходками. Есть факты, когда некоторые молодые люди вступают в преступные связи с иностранцами [відаць па ўсім, маюцца на ўвазе фарцоўшчыкі і прастытуткі – У. В.]. Уделяя внимание противодействию враждебным устремлениям спецслужб и идеологических центров, направленным на нашу молодежь, органы КГБ прибегают главным образом к профилактике.

Отмечается также активизация пропаганды создания в противовес существующим общественным объединениям и организациям трудящихся различных "союзов", "обществ", "клубов", "театров", "семинаров" из антиобщественных элементов.

Вооруженные решениями XXVI съезда партии, органы государственной безопасности при содействии советских людей принимают решительные меры для срыва всех акций идеологической диверсии» [30, с. 98-99].

Як бачым, зацікаўленне моладзі поп-музыкай ці стварэнне тэатральных студый уяўлялася кіраўніцтву КДБ вынікам спланаванага ўздзеяння заходніх спецслужбаў. Што ўжо казаць пра студэнцкі камітэт па навучальным працэсе. Унутры такой логікі самадзейныя камітэты могуць быць толькі антыўрадавымі ды інспіраванымі ЦРУ.

Тут трэба звярнуць увагу на слова "прафілактыка", якое з'яўляецца ў артыкуле Цвігуна. Гэтае слова ў лексіконе КДБ было спецыяльным тэрмінам. У выдадзеным Вышэйшай школай КДБ СССР слоўніку даецца наступнае вызначэнне: «Профилактика – деятельность, проводимая органами Советского государства и общественными организациями и направленная на предупреждение государственных преступлений, политически вредных проступков и других действий, затрагивающих интересы государственной безопасности СССР, путем выявления и устранения причин, их порождающих, и условий (обстоятельств), способствующих их совершению, а также путем оказания воспитательного воздействия на политически и

морально неустойчивых граждан, которые могут совершить такие преступления и проступки. В отличие от пресечения преступлений, состоящего в недопущении завершения преступной деятельности на уголовно наказуемых

Занятак па кнігах Леаніда Брэжнева. За кафедрай - дацэнт Уладзімір Беркаў

стадиях приготовления и покушения на преступление, профилактика осуществляется до начала преступных действий и должна предупредить возникновение преступного умысла и его реализацию в конкретных общественно опасных действиях» [24, с. 237]. Падрабязна сутнасць "прафілактыкі" разбіраецца на дакументах КДБ Літоўскай ССР у артыкуле Ліны Акулічутэ «Прафілактыка ў грамадстве – інструмент псіхалагічнага ўздзеяння КДБ» [15]. Прафілактыка магла насіць галосную форму (публічнае асуджэнне чалавека на рознага віду сходах, праз СМІ ці, напрыклад, уздзеянне праз размовы з аўтарытэтнымі людзьмі). Негалосная прафілактыка рабілася праз уплыў агентаў і давераных асоб. Апошняя прафілактычнай мерай было вынясенне «афіцыйнага папярэджання», і, калі чалавек не змяняў сваіх паводзінаў, то яго (яе) мог чакаць арышт.

Відавочна: хаця непасрэдна супрацоўнікі КДБ мала з'яўляліся на сцэне падчас падзей, але яны сачылі за развіццём сітуацыі і ў нейкай ступені дырыжыравалі "прафілактычнымі мерамі". З іншага боку, тут не варта скідваць з рахункаў і ініцыятывы партыйных і камсамольскіх лідараў, іх імкнення выслужыцца, якое таксама ўплывала на хаду падзей.

Цікава параўнаць зварот студэнтаў філасофскага аддзялення 1981 года з яшчэ адным калектыўным лістом, напісаным на гістарычным факультэце некалькімі гадамі раней. У 1978 годзе студэнты аддзялення гісторыі праз калектыўны ліст патрабавалі аднавіць правы Валерыя Меснікава, якога без загада рэктара аб выключэнні па вусным распараджэнні дэкана факультэта Іраіды Царук не дапусцілі да здачы сесіі. Сам факт напісання такога ліста выклікаў буру эмоцый як у дэканаце, так і ў партыйнай арганізацыі гістарычнага факультэта. Студэнтаў прымушалі адмовіцца ад подпісаў, але адмовілася толькі адна студэнтка, іншыя не паддаліся на запалохванне. Але гэты ліст не разглядаўся КДБ як палітычны, ціск аказваўся толькі праз партарганізацыю і толькі па "мясцовай", факультэцкай ініцыятыве [14].

Калектыўны зварот студэнтаў-філосафаў не дасягнуў непасрэдных мэтай: ніводнае з патрабаванняў студэнтаў не было выканана (нават бытавыя патрабаванні былі пакінутыя без увагі). Але лічыць яго марным не выпадае. Многія студэнты атрымалі досвед адстойвання сваёй грамадзянскай пазіцыі, а таксама групавой салідарнасці. Дзякуючы групавой салідарнасці не быў выключаны з універсітэта Леанід Свядлоў. Нарэшце, усе студэнты атрымалі добрае разуменне таго, ці з'яўляецца дэмакратычнай і народнай дзяржаўная ўлада і партыйная сістэма ў СССР, што моцна паўплывала на іх далейшае станаўленне як асоб, як суб'ектаў грамадскага жыцця. Многія з гэтых людзей сталі выкладчыкамі філасофіі, астатнія знайшлі сябе ў розных іншых прафесіях і пакліканнях – ад музыкі (Алесь

Камоцкі) да святара (Аляксандр Жаўняровіч). Тыя, хто застаўся выкладчыкам, відавочна, паўплывалі на моладзь і, трэба спадзявацца, большасць з іх прывівала сваім студэнтам дэмакратычныя каштоўнасці. Пытанне пра акадэмічную аўтаномію, пастаўленае студэнтамі філасофскага аддзялення больш за 30 гадоў назад, застаецца нявырашаным у сённяшняй Беларусі. Што ж, як казаў прафесар Сцёпін, “можна ждаць новага круга”.

Крыніцы і бібліяграфія

Вуснагістарычныя крыніцы

1. Інтэрв'ю з Алесем (Аляксандрам Верамеевічам) Камоцкім, 1958 г. н., 1 лютага, 25 верасня і 4 кастрычніка 2013 года, Менск.
2. Інтэрв'ю з Віктарам Мікалаевічам Ламакам, 1956 г. н., 30 сакавіка 2013 года, Менск.
3. Інтэрв'ю з Леанідам Юльевічам Свядловым, 1960 г. н., 6 чэрвеня 2013 года, Менск.
4. Інтэрв'ю з Максімам Расціслававічам Жбанковым, 1958 г. н., 23 ліпеня 2013 года, Менск.
5. Інтэрв'ю з Уладзімірам Пятровічам Казлоўскім, 1963 г. н., 7 чэрвеня 2013 года, Менск.
6. Інтэрв'ю з Касяй (Кацярынай Альфрэдаўнай) Камоцкай, 1963 г. н., 17 верасня 2013 года, Менск.
7. Інтэрв'ю з Таццянай Мікалаеўнай Буйко, 1959 г. н., 19 верасня 2013 года, Менск.
8. Інтэрв'ю з Вячаславам Сямёнавічам Сцёпіным, 1934 г. н., 12 лістапада 2013 года, Масква.
9. Інтэрв'ю з Ірынай Юр'еўнай Нікіцінай, 1961 г. н., 5 снежня 2013 года, Менск.
10. Выступ Валерыя Станіслававіча Залатара на круглым stole "Калектыўны зварот студэнтаў-філосафаў 1981 года: значэнне для сённяшняй Беларусі" (29 лістапада 2013 года, Менск).

Архіўныя крыніцы

11. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). Ф. 174п (Мінскі абласны камітэт ЛКСМБ). Ф. 370п (Мінскі гарадскі камітэт ЛКСМБ). Ф. 527п (Маскоўскі раённы камітэт ЛКСМБ г. Мінска).
12. Нацыянальны архіў рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 205 (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт).
13. Асабісты архіў Леаніда Юльевіча Свядлова.

Неапублікаваная пісьмовая крыніца

14. Краўцэвіч, Аляксандр. Ліст у абарону студэнта Валеры Меснікава: [Успаміны]. 24.08.2013. Даслана па электроннай пошце.

Апублікаваныя крыніцы і гістарыяграфія

15. Okuličiūtė, Lina. Visuomenės profilaktika – KGB psichologinio poveikio įrankis // Genocidas ir rezistencija, 2011, 2(30). P. 104-119.
16. Алексеева, Людмила. История инакомыслия в СССР: новейший период / 3-е изд., стер. Москва, 2012.
17. Бабкоў, Ігар. Ліст студэнтаў-філэзафаў за акадэмічныя свабы // Дэмакратычная апазыцыя Беларусі: 1956-1991. Пэрсанажы і кантэкст. Менск, 1999. С. 122-123.
18. Бартош, Леў. Яны баранілі Беларусь // Новы час. 2008. №33. 3 кастрычніка. С. 15.
19. Бон, Томас М. «Супраціў» і «сваволя» ў Менску. Адпорныя паводзіны ў Савецкім Саюзе // ARCHE Пачатак. 2008. №6. С. 140-157.

20. Бон, Томас. Новыя Шэйпічы: нічыйная зямля ці шэльмайўскі раман? // Беларускі гістарычны агляд. Том 20. Сшыткі 1-2 (38-39). Снежань 2013. С. 135-147.
21. Валодзін, Уладзімір. Смерць студэнта // Новы час. 25 ліпеня 2014. С. 6.
22. Гілевіч, Ніл. Між распаччу і надзеяй. Абрис прайдзенага шляху ў сьвятле адной мары // Дзеяслоў. 2006. №4(23). С. 191-230.
23. Дубянецкі, Міхал. «Трэба рызыкаваць». Дзёньнікавыя запісы 1985-1988 гадоў // Дзеяслоў. №37 (6'08). С. 227-228.
24. Контрразведывательный словарь. Москва, 1972. Электронны адрас: http://www.genocid.lt/KGB/ci_dictionary.pdf. Апошні доступ — 8 снежня 2014 года ў 23:10.
25. Лойка, Алег. Дрэва жыцця: Кніга аднаго лёсу. Слонім, 2004.
26. Нонканфармізм у Беларусі. 1953-1985. Даведнік. Том 1 / Аўтар-укладальнік Алег Дзярновіч. Мінск, 2004.
27. Мелкозеров, Никита. «У Штанге была кличка Мюнхгаузен». Переводчик Бернда Штанге вспоминает период работы немца в Беларуси // Сайт goals.by. Опубликовано 6 декабря 2011 в 08:40. <http://goals.by/football/articles/100406>. Апошні доступ — 7 снежня 2014 года ў 14:45.
28. Федорович, Виктор. ТОП-7 белорусов, сбежавших от КГБ // Интернет-газета «naviny.by. Белорусские новости». Опубликовано 17.03.2011 в 10:16. <http://naviny.by/pda/material/?type=articles&id=172857>. Апошні доступ — 7 снежня ў 15:50.
29. Федорович, Виктор. От громких коррупционных дел осталось только эхо // Интернет-газета «naviny.by. Белорусские новости». Опубликовано 17.11.2011 в 14:19. http://naviny.by/rubrics/society/2011/11/17/ic_articles_116_175862/. Апошні доступ — 7 снежня ў 15:40.
30. Цвигун, С. О происках империалистических разведок // Коммунист. 1981. №14. С. 88-99.
31. Яноўскі А. А., Зельскі А. Г. Гісторыя беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў. Мінск, 2001.

Працікол камсамольскага сходу IV курса аддзялення філасофіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Мінск, 14 траўня 1981 г.

Дакумент існуе ў двух асобніках. У Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (далей - НАРБ) захоўваецца рукапіс арыгінала, але з-за абрэзаных унізе аркушаў у ім страчаныя некаторыя фрагменты тэкста. У Дзяржаўным архіве Мінскай вобласці (далей - ДАМВ) захоўваецца рукапісная копія, зробленая з некаторымі скарачэннямі і невялікімі зменамі. Па ёй можна ўзнавіць тэкст страчаных у арыгінале месцаў (прыводзіцца ў заўвагах). У дадзенай публікацыі адлюстраваныя выпраўленні, зробленыя ў арыгінале ўдзельнікамі сходу. Прапушчаныя ў тэксце і ўзноўленыя па сэнсу заканчэнні словаў прыводзяцца ў квадратных дужках.

НАРБ. Ф. 205 (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт), воп. 18 (камітэт камсамола БДУ), спр. 318. Дакумент на арк. 77-100. Рукапіс. Арыгінал.

Протокол комсомольскага сабраання IV курса отделения философии от 14 мая 1981 г.

На учете в комсомольской организации состоит 21 чел[овек], на сабраанні прысутствало 17¹.

Прысутствал секретарь комитета комсомола историч[ескаго] факультета Аксюциц П.

Приглашенные: секретарь партийной организации исторического факультета Пилипенко М. Ф., заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии Стёпин В. С., куратор 4 курса Скикевич А. А., 4² члена КПСС (студенты IV курса), не стоящих на учете в комсом[ольской] организации.

Избран президиум в составе 2-х человек: председатель – Буйко Т., секретарь – Маргайлик.

Повестка дня:

1. Об исключении из рядов ВЛКСМ комсомольца Свердлова Л. Ю.

Комсомольцы задали вопросы: почему и кем исключен Свердлов? откуда это известно? разве не первичная организация первой должна решать вопросы наказания комсомольцев?

Председатель сабраання констатировала, что комсомольская организация не...³

Случайно на сабраанне зашел секретарь комитета комсомола историч[ескаго] фак[ультета] Аксюциц. По просьбе председателя сабраання он информировал сабраанне о решении комитета комсомола факультета по персональному делу комсомольца Свердлова Л. Ю. Он сказал, что комитет

1. Выпраўлена. Першапачаткова было напісана: "19".

2. Выпраўлена. Першапачаткова было напісана: "2".

3. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ (ф. 174п, воп. 22, спр. 57, арк. 57-30, у справе адваротная нумарацыя аркушаў) на арк. 56: "...комсомольская организация не информирована о заведении и рассмотрении персонального дела Свердлова Л. Ю. комитетом комсомола исторического факультета".

комсомола постановил исключить комсомольца Свердлова Л. из рядов ВЛКСМ и ходатайствовать о его исключении из университета. Точной формулировки предъявленных Свердлову обвинений не помнит, однако, приблизительно, - это наказание "за грубейшее нарушение Устава высшей школы, за похищение журналов учета посещаемости и срыв занятий на 2-м курсе, за неискренность, за извращение "бумаги" 2-го курса".

Буйко (председатель) попросила пояснить собранию положение о статусе нашей первичной комсомольской организации, о её правах в разборе персональных дел (почему её обошли).

Аксюциц ответил, что комитет комсомола факультета взял на себя ответственность решать вопрос, так как на отделении и на курсе существует нездоровая обстановка. (Студенты: "Объясните!").

Аксюциц: "Как выяснилось, "инициативу" выдвинул не 2-й курс, а тов. Золотарь и другие". Аксюциц порекомендовал секретарю собрания обратиться к секретарю к[омитета] к[омсомола] университета с вопросом о статусе первичной комсом[ольской] организации.

Выступил секретарь партийной организации факультета Пилипенко М. Ф.⁴ ... о том, что на отд[елении] философии сформировалась группа, которая занимает неправильную идеологическую позицию. Вопрос нужно ставить так: за трудящихся или против? До этого года партийное бюро прощало некоторые факты. Не могу не верить Скикевичу А. А., который рассказывал о событиях на сельхозработках.

Обратился к секретарю собрания: И Вы будете отвечать за свою позицию! Какую роль Вы играли в этом деле?

До нас дошли сведения, что некоторые студенты допускали высказывания "против марксистско-ленинской теории", к которой все мы относимся как коммунисты. Как должен вести себя настоящий комсомолец, коммунист в этой ситуации? Часть заняла неправильную позицию. Неужели вы не знаете, как нужно добиваться исполнения своих требований? Существуют общепринятые каналы. Я за вас уже неоднократно краснел. Вы нарушили правила. Руководство комсом[ольской] организации оказалось не на уровне. Организаторами стали не те, кто должен был стать. По поводу комитета. "У нас есть комитет, он может создавать такой орган," - нужно обратиться туда. В ходе бесед по данному вопросу обнаружилось много лжи. Обстановка, которая сложилась на 4-м курсе, считается нездоровой. В связи с этим комитет комсомола принял на себя ответственность решать некоторые вопросы, связанные с улучшением создавшегося положения. Должна последовать правильная реакция. Коммунисты должны объяснить всё, предъя⁵... руководить организацией. Нужно избрать коммуниста на должность комсорга курса. Надо занять определенную позицию. Комитет

5. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ: "...предъявить каждый к себе самому требования. Здесь не может быть компромисса, комсомольцы оказались неспособны руководить..." (арк. 54).

4. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Рассказал о структуре комсомольской и партийной организаций, о субординации, ..." (арк. 55).

комсомола поможет разобраться. Идите туда. Собрание вправе принять такое решение.

Выступил Косич: Говорил о неправомочности поднятия вопроса сельхозработ. Этот вопрос уже обсуждался на собрании отделения, и Свердлов был оправдан теми, кто был с ним на сельхозработах, работал вместе. В деле, которое организовал 2-й курс, Свердлов не принимал участия – не организовывал его, не оказывал давления на 2-й курс.

Выступил Костенич: рассказал о своей работе в бюро комсом[ольской] орг[анизации] отделения. Однажды организовывал мероприятие, утверждённое секретарём⁶, на него не пришли студенты, мероприятие срывалось, зная это⁷, Свердлов, тем не менее⁸, проводил заседание комсом[ольского] бюро отделения. На одном из собраний Лёня выступал с критикой предложенного пункта постановления. В этом проявилась его беспринципность. По поводу обращения 2-го курса: инициативу 2-го курса я поддерживаю, но то, что из неё получилось – нет.

Свердлов задал Костеничу 2 вопроса: 1. Считает ли он (Костенич), что заседание бюро проводилось с целью сорвать мероприятие, организованное Костеничем? Ответ: нет, не считаю, что такая цель была, но заседание бюро способствовало⁹ этому.

2. Обсуждался ли тот пункт постановления на заседании бюро и мог ли я (Свердлов), не слышав раньше этого пункта, не прини¹⁰... как и весь проект постановления, не обсуждался на бюро к[омсомольской] о[рганизации] отделения, но все-таки твоя позиция меня возмутила, так как ты знал порядок приема постановлений¹¹.

Выступил профессор Стёпин. Говорил о событиях и обстановке на отделении. Критиковал позицию - "при чем тут я". Многие сейчас стремятся оградить, спасти себя. Комсомольцы должны оценить происшедшее правильно, извлечь из этого урок.

Скикевич А. А. Ещё раз обвинил Свердлова в "недостойном поведении" на сельхозработах.

Свердлов, отвечая на обвинение, спросил, почему, если он действительно так виноват и ставился этот вопрос Скикевичем перед парткомом, он (вопрос) не вставал и не разбирался до сих пор? Ведь было собрание отделения философии, на котором Петричиц (который не был на сельхозработах) и Скикевич поставили этот вопрос. Собрание обсуждало

6. Слова "утверждённое секретарём" уписаны другим почыркам (верагодна, Касценічам).

7. Слова "зная это" уписаны другим почыркам (верагодна, Касценічам) паўзверх закрэсленага "а в это время".

8. Слова "тем не менее" уписаны другим почыркам (верагодна, Касценічам).

9. Тут "могло способствовать" выпраўлена на "способствовало".

10. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ: "...не принимая его на бюро, считать, что выступаю против решения бюро? Ответ: Даже если тот пункт, ..." (арк. 53).

11. Слова "так как ты знал порядок приема постановлений" уписаны другим почыркам (верагодна, Касценічам). Далей стаіць подпіс (верагодна, Касценіча).

его. Было принято решение о необоснованности обвинений. Скикевич А. А. не ответил; задал вопрос: принимал ли Свердлов участие в событиях на сельхозработках? Свердлов ещё раз рассказал о сельхозработках, о своем отношении к упомянутым событиям, о работе, общественных делах там.

Буйко Т. сказала, что она работала вместе со Свердловым – он работал очень хорошо и никаких претензий к нему не может быть¹²...

Люкевич попросил слово. Говорил, что Свердлов работал хорошо. Рассказал о том случае, когда, по словам Скикевича, Свердлов сорвал работу. Лёня не срывает работу¹³. В редколлегию по выпуску газет Лёня не входил, газеты выпускали другие члены отряда, следовательно, к газете отношения не имел. Он отвечал за работу агитбригады¹⁴.

Скикевич Свердлову: Вы сумели всех обработать, кто был рядом!

Люкевич рассказал ещё о поведении на сельхозработках Жавнеровича, который часто "шутит". На "странности" его отряд не обращал внимания тогда. Жавнерович ползал на четвереньках и облаивал колхозников и школьников (около школы-интерната)¹⁵.

Профессор Стёпин призвал собрание к порядку, просил не перебивать выступающих. Говорил о необходимости правильного понимания обстановки, предлагал приступить к обсуждению вопроса, т. е. оценить события на отделении, последствия "обращения" 2-го курса. Также нужно разобраться в персональном деле Свердлова.

Выкладчык
Аляксандр Скікевіч

Степанова: "Мы как дети малые! Заняли позу правдолюбцев, которым дали по голове!"

Морозова: Сама идея, инициатива студентов 2-го курса – правильная, обоснованная, сознательная. Но выдвинуть идею – ...¹⁶ продумать, куда с подобными предложениями нужно обращаться. Все студенты принадлежат к партийной или комсомольской организациям, являются членами профсоюзной организации. В профкоме есть учебно-воспит[ательная] комиссия, специально занимающаяся этим вопросом. Есть специальные инстанции в структуре высшей школы. И эта

12. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Скикевич спросил Свердлова о его участии в выпуске газеты сомнительного содержания, которую видел Люкевич В." (арк. 51).
13. Далей закрэслена: "...а наоборот помогал исправить положение (грузил мешки, когда бригада ушла на обед)".
14. Стаіць подпіс (верагодна, Люкевіча).
15. Сказ "Жавнерович ползал на четвереньках и облаивал колхозников и школьников (около школы-интерната)" ўпісаны іншым почыркам.
16. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "...это ещё очень мало. Нужно уметь выбрать правильные формы и средства. Все мы учимся и работаем в рамках вуза. Мы должны были самым серьезным образом..." (арк. 50).

общеустановленная форма оправдывает себя – мы должны понять это, видя сейчас, к чему может привести попытка решения пусть самых хороших намерений в форме, в кот[орой] это выразилось.

Вот где наша ошибка – непродуманное отношение к выбору формы¹⁷.

Рухля (пришел позже, когда собр[ание] шло): Где Вы были раньше? Почему не предложили это, когда всё начиналось? Рассказал о правах первичной комсомольской организации. В обращении выражено недоверие комсомолу и профсоюзам¹⁸.

Стёпин. Говорил о порочности инициативы. Студенты не имели права делать этого. Это не согласуется с Уставом высшей школы.

Выступил Мисюкевич: Я подписал обращение, тогда ничего плохого в инициативе о необходимости улучшения учебной работы не видел. Потом пошли слухи. Откуда пошли эти слухи? Зачем так усложнять дело?¹⁹

Выступила Буйко. Рассказала "как всё было". Как к ней подошли второкурсники, просили провести собрание по обсуждению их предложе...²⁰ наших проблемах. Поэтому могла повлиять на их мнение о спецкурсах. Поэтому о них и говорилось в "обращении".

Когда мы обсуждали обращение, мы долго говорили, вносили поправки, изменения. В частности, я и Маргайлик выступили против такой формы постановки вопроса о комитете.

Свердлов: Я во время обсуждения вносил поправки тоже. Из-за этого обвинён в редактировании текста.

Буйко, обращаясь к Стёпину: Хотели ведь сделать не так, как получилось, собирались идти с предложениями в деканат, на кафедру. Об этом говорили и студенты 2-го курса.

Стёпин В. С.: А на кафедре узнали "снизу", но не сразу.

Выступил Свердлов: В ходе обсуждения "обращения" на собрании группы выразил несогласие с рядом его положений. Несмотря на идею улучшения учебно-воспитательного процесса, форма, в которой она выражалась, безусловно, неприемлема. Я не отказался подписать обращение сразу только учитывая утверждения второкурсников, что оно будет обсуждаться на открытом комсомольском собрании отделения. Свое отрицательное отношение к обращению, форме, в которой оно осуществилось, я изложил в объяснительной на имя декана факультета 5 мая...²¹

17. Стаїць подпіс (верагодна, Марозавай).

18. Сказ "В обращении выражено недоверие комсомолу и профсоюзам" прыпісаны іншым пачырмам.

19. Стаїць подпіс (верагодна, Місюкевіча).

20. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ: "...предложений. До их прихода мы ничего не знали об этом. Я в разговорах с второкурсниками просила провести собрание по обсуждению их предложений. До их прихода мы ничего не знали об этом. Я в разговорах с второкурсниками и другими студентами отделения говорила о спецкурсах, о наших проблемах" (арк. 49).

21. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Рухля задал 2 вопроса Свердлову: 1. Брал ли журналы посещаемости? Свердлов: Нет, не брал, прятать или что-либо ещё сделать с журналами не собирался" (арк. 48, 47).

...собирался. Журналы посещаемости в тот день видел. В частности, когда брал на кафедре журнальный столик и кресла для постановки, сняв со стола воду и журналы, передал их Жавнеровичу.

2. Ходил ли на 2-й курс?

Свердлов: Да, ходил, согласно постановлению комсомольского собрания (от 5 мая), обязавшего комсомольское бюро, секретарем которого я был избран, довести до 2-го курса решение нашего собрания.

Рухля А. Н. ушел.

Председатель предложила Свердлову объяснить причины возникновения его персонального дела.

Он говорил обо всех пунктах предъявленного ему обвинения: журналы не прятал, занятия не срывал. В тот день был занят подготовкой дня философа, - очень волновался, так как из-за плохой работы транспорта не приехали вовремя ребята, которые должны были выступить. Было не до журналов.

В подготовке "обращения" 2-го курса участия не принимал. О нем узнал на собрании своей группы, где оно обсуждалось.

Вопросы Скикевича: Снял бы сейчас свою подпись под обращением?

Ответ: Да.

Как отнесся бы ты к тому, кто искажил идею обращения? ...²²

...отношения к делу. Через несколько дней после обсуждения предложений 2-го курса на нашем курсе до меня стали доходить слухи невероятного характера²³: события, связанные с инициативой 2-го курса и её обсуждением получили самую неожиданную интерпретацию. Опять-таки, по слухам, мне отводилась значительная роль в организации всего этого дела. Я не знал, как поступить: ждать, пока всё выяснится само собой или попытаться разобраться самому. Хотелось понять, откуда, почему возникли такие слухи. Я решил предпринять некоторые шаги, чем, как оказалось, навлек на себя неприятности. Что я сделал: 25 апреля, после заседания комсом[ольского] бюро отделения, поговорил с секретарём бюро Жбанковым. Я поделился с ним тревогой по поводу становящихся все более навязчивыми слухов. Мы поговорили о том, что форма, в которой 2-й курс осуществлял свою инициативу может способствовать искажению их хорошего намерения – улучшения организации учебно-воспит[ательного] процесса на отд[елении] философии. Жбанков сказал, что завтра, 26 апреля, он едет к Золотарю В., чтобы выяснить, где находятся тексты обращения 2-го курса, и пригласил меня с собой. Я отказался, так как в последнее время был с Золотарём в натянутых отношениях. Жбанков обещал тогда, что зайдёт ко

22. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Ответ: Считаю, что сделавший это достоин сурового наказания.

Свердлов продолжил изложение своего..." (арк. 47).

23. Паміж двурок'ем і словам "события" закрэслена слова "якобы".

мне, возвращаясь от Золотаря. Он не зашёл. Я...²⁴ там уже не было. Я уехал. 27-го апреля я встретился с Максимом Жбанковым у него дома. Максим сказал, что нужно найти тексты «обращения». Он просил меня помочь их отыскать. Ему позвонил Золотарь. Максим сказал, что пригласил его к себе и просил меня остаться до приезда Золотаря. Когда Золотарь приехал, Максим убеждал его, что нужно отдать тексты администрации. На следующий день я чувствовал себя плохо, был на приеме у врача. Говорил со студентами, ничего о текстах не узнал. Вечером в телефонном разговоре Максим и Золотарь договорились, что завтра встретятся и обсудят все вопросы. Меня не пригласили, так как я и так "встрял" в события случайно. 29-го идя к врачу и на процедуры, зашел на отделение узнать о ходе защиты курсовых работ (я отвечаю на отделении (в бюро) за НИРС), встретил Жбанкова, который просил найти Золотаря и передать ему, чтобы он отдал тексты "обращения" на кафедру марксистско-ленинской философии. Я сказал Максиму, что не могу ехать к Золотарю, так как в этот день уезжаю домой в 8 часов вечера, и нужно еще идти к врачу и собраться. В поликлинике, ожидая приема, увидел Золотаря. Я передал ему просьбу Жбанкова. Золотарь согласился отдать тексты и мы пошли искать Жбанкова. Золотарь встретил жену и они...²⁵...софии. Максим спросил, где тексты. Я ответил, что внизу, у Золотаря. Тогда Максим сказал, что нужно принести их на кафедру. Когда я спустился вниз, Золотаря и Воицкой²⁶ там не было. У меня уже не было времени их искать, и я так и уехал домой, не выполнив просьбу Жбанкова. Когда я вернулся после праздников, услышал, что тексты так и не были сданы администрации и, по слухам, их уничтожила Воицкая.

И еще один раз я имел отношение к этому делу, когда Малащук О. попросил меня и других студентов пойти на 3-й курс объяснить содержание инициативы, выяснить отношение третьекурсников к предложению о необходимости улучшения организации учебно-воспит[ательного] процесса на отделении.

Петричиц: Ты знал о "двусмысленностях" в обращении. И ничего не сделал.

Свердлов: Почему же? Я выражал с ними своё несогласие на собрании.

Выступила Сомова: Я верю Свердлову. Он всё объяснил, и я считаю, что нет никаких оснований на то, чтобы исключать его из комсомола. Он не заслужил такого наказания.²⁷

Выступил Шихутин: Я знаю Лёню 4 года. Он не мог взять журналы. У него

24. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "...позвонил ему. Дома его не было. Я решил, что он задержался у Золотаря и поехал-таки к Золотарю, чтобы узнать в чем дело, что же случилось. Максима..." (арк. 46).

25. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "...остались ждать внизу, а я поднялся на 8-ой этаж и нашел Максима на кафедре марксистско-ленинской философии" (арк. 45, 44).

26. Так у дакуменце. Павінна быць: "Войцкая".

27. Стаіць подпіс (верагодна, Сомавай).

не было на это причин. Занятия он...²⁸. Журналы ему не нужны...²⁹ Ему верят. Его учебная, научная работа характеризует его с самой лучшей стороны. Он участвовал во Всесоюзной студенческой научной конференции.

Были и у него неудачи, но сколько хорошего он сделал. Недостатки он должен понять, но исключать его из комсомола нельзя. Я против такого наказания³⁰.

Выступил Мишук: Обращение – это не случайность, а закономерный результат деятельности Свердлова. Достаточно вспомнить: на 2-м курсе он, имея четверку по научному атеизму, будучи старостой курса, сам³² подавал себя в списке на повышенную стипендию первым³³. С чего начал он комсомольское собрание на 3-м курсе (когда мы были на 3-м курсе)? Он начал с философской общности и отмежевания от факультета. Ставил вопрос: отвечает ли комсомольская работа вопросам современного воспитания³⁴ молодежи. Дает ли нам комсомольская работа³⁵ развитие? Дал классификацию комсомольцев: безразличные, работающие ради выгоды, пустобрехи, работающие потому, что приходится работать. Говорил о поиске новых форм работы, так как старые формальны и бюрократичны. Это выразилось в отказе от пре...³⁶ Сомова говорила, что учеба – это личное дело каждого, Маргайлик поддержала³⁷, а в ответ на слова Степановой, что Ленин завещал комсомольцам³⁸ учиться, Сомова сказала: "И великие ошибались"⁴⁰.

Сомова заметила, что не помнит такого факта.

Мишук:⁴¹ И все, кто подписал обращение, должны будут ответить. Куда вы идете, в пропасть вас тянут! Что вы не понимаете?! Лёня приходил на 2-й курс и сказал: ребята, мы вас поддержим. Реплика Свердлова: Неправда, этого не было.

Мишук: Ты искажаешь комсомольские документы: - Когда ходил на 2-й курс, 1 пункт постановления 4-го курса от 5 мая⁴² выдал за три. Ходил

28. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны.

29. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ: "Занятия он не пропускает. Журналы ему не нужны. И лгать декану он не мог. Стоит вспомнить хотя бы о его общественной работе за 4 года. Его избирали в бюро комс. организации курса, дважды – отделения" (арк. 44, 43).

30. Стаіць подпіс (верагодна, Шыхуціна).

31. Далей закрэслены словы "2-го курса".

32. Слова "сам" ўпісана іншым почыркам.

33. Далей закрэслена: "... а потом уже – меня".

34. "современных требований к воспитанию" выпраўлена на "современного воспитания".

35. Далей закрэслена: "в существующей форме".

36. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ: "президиума на собрании, отсутствии регламента выступлений, слишком широких повестках дня. О дисциплине какая на наших курсовых собраниях, когда я был комсоргом. Постоянные разговоры, реплики с места. Леня на собраниях не выступал, реплики бросал кот[орые] поддерж[ивали] поведение комсомольцев" (арк. 43, 42).

37. Словы "Маргайлик поддержала" ўпісаны іншым почыркам (верагодна, Мішука).

38. Слова "комсомольцам" ўпісана іншым почыркам (верагодна, Мішука).

39. Прозвішча "Сомова" ўпісана іншым почыркам (верагодна, Мішука).

40. Стаіць подпіс Мішука.

41. Закрэслена: "Ещё мягко обошлись со 2-м курсом".

42. Словы "от 5 мая" ўпісаны іншым почыркам.

уламывать 3-й курс⁴³. ⁴⁴...ты слова не сказал на к[омитете] к[омсомола] факультета. Я выступил⁴⁵.

Не знаю, что было на картошке. Обращение будет всем нам уроком. У нас перегруженность? Нет. А стипендия у нас? Разве мало? Этому делу дана принципиальная оценка парткомом, комсомольской организ[ацией], деканатом⁴⁶. Куда вы идете?⁴⁷ А 4-й курс продолжает голосовать в поддержку обращения⁴⁸.

...инициативу и это принимали, как должное. Его активная позиция всегда была понятна. Он много делал, участвовал и организовывал самые интересные наши мероприятия. Да, конечно, труднее найти ошибки у тех, кто ничего не делал. Но Лёня не допускал ошибок принципиального характера. А за некоторые просчёты недопустимо наказывать так сурово. Я верю объяснению, данному Свердловым. Как активный комсомолец, он не мог не принять участия в обсуждении предложений 2-го курса. Но это не может быть истолковано, как его участие в организации всего дела. Лёня был не согласен с такой формой осуществления инициативы 2-го курса. Мне трудно поверить, что исходя из явно недостаточных и необоснованных обвинений можно "выбросить" комсомольца из организации. Лёня не только активный комсомолец, но и хороший студент. И его активная позиция подкреплена серьезным знанием марксистско-ленинской философии. Я предлагаю ходатайствовать о смягчении наказания Свердлову (перед бюро к[омитета] к[омсомола] университета)⁴⁹.

...скую совесть и на 3-й раз осудить инициативу обращение⁵⁰ 2-го курса. Один раз голосуют за одно, другой – за другое, а получается, - за одно и то же⁵¹.

Выступил Лаптёнок. Я участвовал в обсуждении, подписал обращение. По-моему, к выработке обращения, к организации его, Свердлов отношения не имеет.

Обвинения Свердлову я принять не могу. Я был вместе со Свердловым

43. Сказ "Ходил уламывать 3-й курс" ўпісаны іншым почыркам.

44. Вымарана: "Сколько можно трясти нашу организацию. Нас трясли, а...".

45. Далеі закрэслена: "Я прихожу домой после комсомольских собраний, - у меня ноги трясутся".

46. Слова "деканатом, парткомом" выпраўлены іншым почыркам на "парткомом, комсомольской организ[ацией], деканатом".

47. Далеі закрэслена: "Зачем вы голосовали за Свердлова на последнем отчетно-выборном собрании?"

48. Сказ "А 4й курс продолжает голосовать в поддержку обращения" ўпісаны іншым почыркам. Пасля сказу стаіць подпіс (верагодна, Мішука). Унізе аркуш абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Выступила Маргайлик: Леню мы знаем 4 года, знаем как активного комсомольца. Он всегда проявлял инициативу..." (арк. 42)

49. Унізе аркуш абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Выступил Петричиц: Почему комсомольцы молчат. Не понятно. Ведь ваши руки выпачканы. Надо иметь принципиальную комсомольскую совесть..." (арк. 41).

50. Слова "обращение" ўпісанае іншым почыркам над словам "инициативу", пры тым другое слова не закрэслена.

51. Сказ "Один раз голосуют за одно, другой – за другое, а получается, - за одно и то же"

23-го апреля (день философа и день пропажи журналов), и ничего подобного не видел. Мера слишком сурова. Высказываюсь за смягчение её. Предлагаю – строгий выговор с занесением в учетн[ую] карточку⁵².

Выступила Степанова: Я не верю, что Лёня мог украсть журналы. Он слишком осторожен для этого. Я не уверена, что он, попав в сомнительную компанию, противопоставит себя ей. Я не согласна с этим наказанием. Выдвинутое обвинение недостаточно для такого сурового наказания⁵³.

Выступила Ковалевская: 23 апреля искала расписание. Малащук О. сказал: - «Наивная женщина, журналов нет, занятий не будет». Значит, Лёня тут не при чём. Он не мог взять журналы⁵⁴.

Выступил Кузнецов: Обращение не одобряю. В отношении Свердлова считаю, что не стоит применять крайние меры. Нельзя исключать⁵⁵.

Выступил Люкевич: Говорят, Лёня оказывал влияние. Это смешно: я – под Лёниным влиянием. Абсурдно утверждение о его давлении на кого-то. Отметил положительные черты Свердлова. Оценив обвинения, выдвинутые против Лёни, вижу, что они подчас не подкреплены фактическим материалом. Лёня не заслуживает такого наказания. Если сейчас, после 4-х лет учебы вместе, мы говорим о его ошибках, то мы должны и можем помочь ему. Куда мы смотрели все 4 года (раньше), и почему не занимались этим, не обсуждали его поведение⁵⁶. Предлагаю определить ему шефа-коммуниста⁵⁷.

Выступил Костенич. У нас на курсе не дружба, а групповщина. У Лёни конъюнктурная принципиальность. Лёня не останавливается⁵⁸, если можно кого-то кольнуть. Я не отсиживался; я поддерживал решение бюро. Я могу понять Марину и Соню. Те кто выступают как «друзья»⁵⁹, за спиной о нем не говорили, как о друге. Я не могу судить о картошке и журналах. Лёня – осторожный товарищ. Я не могу утверждать, что он это сделал. Я уважаю его за знания. Однако меру наказания я поддерживаю и без этого⁶⁰.

Выступил Мисюкевич: Хочу подойти беспристрастно. За 4 года не было случая, чтобы Свердлов проявил себя с неприемлемой для окружающих стороны...⁶¹ Он не изменил своим принципам с 1-го курса. За это я его уважаю.

52. Стаїць подпіс (верагодна, Лапцёнка).

53. Стаїць подпіс (верагодна, Сцяпанавай).

54. Стаїць подпіс (верагодна, Кавалеўскай).

55. Стаїць подпіс (верагодна, Кузняцова). Ніжэй аркуш абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Лиходиевский: Я также считаю, что исключать Леню не за что. Предлагаю смягчить наказание" (арк. 40).

56. Сказ "Куда мы смотрели ... не обсуждали его поведение" ўпісаны іншай рукой.

57. Стаїць подпіс (верагодна, Люкевіча).

58. "У нас не останавливаются" выпраўлена на "Лёня не останавливается" іншым почыркам.

59. Абарот «Те кто выступают как "друзья"» ўпісаны іншым почыркам.

60. Сказ "Однако меру наказания поддерживаю и без этого" дапісаны іншым почыркам. Далей стаїць подпіс Касценіча (подпіс з расшыфроўкай: "Костенич").

61. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Лёню мы знаем, как активиста, хорошего студента. В друзья я его не записываю. Как товарищ – он был хорошим. Он никогда никого не подводил" (арк. 39).

Исключение его из комсомола – это необоснованная мера; его вина не доказана. Я не понимаю, зачем его хотят потопить. Теперь его топят, к нему относятся с пристрастием. Он кому-то мешает. Я против. Это фальсификация и нелепость. Лёня всегда был мне хорошим товарищем и, когда я обращался, помогал. Он один из немногих искренне помогал. Лиходиевский⁶²: В отличие от тебя, Костенич. Мисюкевич: Вот именно⁶³.

Выступил Фидрус: Надо разграничивать отношение к обращению и к Лёне. Обвинять студентов 4-го курса в причастности к организации всего дела нельзя. Это инициатива 2-го курса. Я в этом не сомневаюсь. У них существуют реальные проблемы. О них уже забыли? Слишком строгое наказание предлагают Свердлову. Он этого не заслуживает. Для меня непонятно, откуда пошли слухи; почему всё приняло такой оборот. И слухи о том, что делом «занимаются», показали мне, что второй курс, узнав об этом, испугается и будет пасовать. В ответ на вопрос об отношении к обращению ответил, что все дело в неправильной форме⁶⁴.

Профессор Стёпин: Если вам подсунут ка...⁶⁵

... Нет, идея – улучшение учебно-воспитательного процесса. Комитет вместе с преподавателями – вот идея.

Фидрус: Неправомерно переносить содержание документа на дело Лёни.

Стёпин: Поняли ли вы, что здесь натворилось. Если нет, то я не понимаю, о чём вы говорите.

Фидрус: Факты о Лёне недоказаны. Никогда на собраниях против него не выступали, а возможность была. Свердлов прекрасно работал.

Даже если подтвердится факт кражи журналов, я против исключения.

Выступила Буйко: Я не согласна с Костеничем, - если Лёня не друг, то не стоит защищать его. Кто Лёне не друг, сегодня им не стал. Кто думал о нём плохо, тот высказался. Однако нам надо оценить – достоин он быть в комсомоле, университете. Он не хуже нас! Он недостоен, а мы – достойны? Поговорим о Лёне, как о человеке. Те обвинения, которые ему предъявлены, недостаточны для исключения.

Обращение 2-го курса я защищаю – в ответ на вопрос Пилипенко М. Ф.

Мы подписались за необходимость что-то делать, улучшать. Пилипенко: Подписались бы Вы опять? Буйко: Да. Стёпин: Можно ждать нового круга.

Пилипенко: Многие осудили, а Вы остаётесь на этой позиции? Буйко: Да...⁶⁶ Ошибки у него от того, что он постоянно на переднем плане у нашего

62. Прозвішча "Лиходіевскі" ўпісанае іншай рукою.

63. Рэпліка "Місюкевіч: Вот імя" ўпісаная іншай рукою. Далей стаіць подпіс (верагодна, Місюкевіча).

64. Стаіць подпіс (верагодна, Фідруса).

65. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ: "...какую-лібо белиберду, вы ёё подпішете? Нет. Идея обращения – комитет, контроль за преподавателями. Буйко: Нет..." (арк. 38, 37).

66. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Скিকেвич: В комиссии на аттестации Вы сказали о Лене не пользуется авторитетом, но оказывает влияние. Буйко: Да, Леня может хорошо говорить. Мы заполняли им пустое место – пространство, когда нужно было что-то делать" (арк. 36).

благополучного курса. За Лёнины ошибки нам не приходилось расплачиваться. Он отвечал сам.

Выступила Корявая: Лёня имеет право считаться членом ВЛКСМ. Мы нехорошо подошли к обсуждению этого вопроса. Раньше не поднималась эта грязь, и не говорили ему в глаза. Сейчас это делать нехорошо.

Вопросы Пилипенко: 1. Документ поддерживаете? В исправленном варианте – да. 2. Вы пункт – создание комитета поддерживаете? – Нет. 3. -- // -- свободное посещение – поддерживаете? – нет.

Выступила Круглова: Идею поддерживаю. Документ необходимо исправить. Я обращение полностью осуждаю⁶⁷. Лёня хороший товарищ. За 4 года учебы ничего плохого не видела. Присущие ему черты – активность, общественная инициативность – нам нравились. Мы отсиживались – Лёня был впереди. Были срывы в работе его бюро. Здесь есть и моя вина. Степанова хорошо сказала, что в сложной ситуации Лёня не сможет противопоставить свою точку зрения. Он не всегда будет проповедовать то, что нужно. Даёт свою интерпретацию. Иногда возможен⁶⁸ отход от м[арксистско]-л[енинской] фил[ософии]⁶⁹. Если факты подтвердятся, наказание правильное⁷⁰.

Выступила Жукова: Документ осуждаю. Это была незаконная акция. О Лёниных качествах – невысокого мнения. Наша ошибка в том, что мы ничего не делали...⁷¹ Если всё подтвердится, то наказание правильное⁷².

Выступил Зуй: Бумаги осуждаю. Шихутин ни к чему меня не склонял. Я за смягчение приговора Свердлову.

Выступил Косич: Надо осудить обращение в той форме, в какой оно стало сейчас интерпретироваться. Форма его неприемлема; надо искать другие формы. Я не являюсь другом Лёни, поэтому могу дать объективную оценку. Лёня за 4 года проявил себя как активный комсомолец. Я разговаривал с ним сразу в тот день – 23 апреля. Я не слышал ни одного слова о журналах. Он не мог о них не говорить, если брал. Предлагаю ходатайствовать о смягчении мер наказания.

Выступила Морозова: Костеничу и Мишуку – Где вы были со своими обвинениями раньше? Я возмущена, поражена поведением Мишука. Это страшно.

Лучшим доказательством чистоты группы будет то, если группа сможет помочь ему (Свердлову) исправить ошибки. Выбрасывать человека за борт со стороны партийной и комсомольской организаций – неверно.

67. Сказ "Я обращение полностью осуждаю" уписаны іншай рукой. Далей стаіць подпіс (верагодна, Кругловай).

68. У арыгінале: "возможны".

69. Сказ "Иногда возможны отход от м.-л. фил." уписаны іншай рукой. Далей стаіць подпіс (верагодна, Кругловай).

70. Стаіць подпіс (верагодна, Кругловай).

71. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Лёня корыстолубив и сумеет свою принципиальность использовать для себя. Он не принципиален. Он знает марксистско-ленинскую философию, но я не уверена в его убеждениях" (арк. 35).

72. Стаіць подпіс (верагодна, Жукавай).

Скикевич А. А.: Вы не до конца представляете себе суть дела. Вы говорите, не осознавая все. В это время, когда создаются самостоятельные⁷³ комитеты, их создание необходимо связывать с классовой борьбой. Если в каждом коллективе...⁷⁴ Сейчас надо разобраться с этим делом, всех наказывать. А тогда, когда мы удалим нарыв (сослался на термин Елисеева), можно вести работу. На кафедре ведется методическая работа. Я отвечаю, если меня спросят, за необоснованные, по словам Свердлова, обвинения в адрес Свердлова⁷⁵.

Свердлов имел наибольшее влияние на курсе. Я предполагаю, что он мог распространять это обращение.

Лёню (Свердлова) я заметил сразу на 1-м курсе. Активный товарищ. Мы вышли тогда победителями в соц[иалистическом] соревновании, и в этом была и его заслуга. У меня нет к нему претензий. Он активен на семинарах, выступает, занятий не пропускает. Но в общественной работе со 2-го курса он допускает большие ошибки⁷⁶.

Скикевич рассказал опять случай на сельхозработах на 2-м и на 4-м курсах⁷⁷.

21 год человеку. Во всей студенческой работе⁷⁸ необходим классовый подход. При знаниях и заслугах Свердлова – он не может быть членом ВЛКСМ, студентом, учитывая то, что его знания не стали его убеждениями⁷⁹.

Выступил Косич: Я считаю, что Лёня, услышав критику, основываясь на базисе, который у него есть, исправит ошибки. На кафедре он всегда получал самую высокую оценку.

Свердлов: Я постараюсь учесть все замечания, высказанные в мой адрес. Для меня это послужит уроком. Я считаю себя убеждённым марксистом. Всегда открыто высказываю свою точку зрения. Я прошу курс помочь мне. У меня не всё получалось, но я старался делать как можно больше.

Стёпин: Я рад, что Вы поняли.

Морозова предложила ввести курс о правах и обязанностях студента...⁸⁰

73. Слова "самостоятельные" ўпісанае іншым почыркам (верагодна, Скікевіча).

74. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ: "Если в каждом коллективе, куда вы придете, вы создадите свой комитет, то что это будет? Сколько будет комитетов. Здесь должен быть классовый подход. Вы должны верить преподавателям" (арк. 34).

75. Фраза "за необоснованные, по словам Свердлова, обвинения в адрес Свердлова" ўпісана іншым почыркам (верагодна, Скікевіча).

76. Сказ "Но в общественной работе со 2-го курса он допускает большие ошибки" далісаны іншым почыркам (верагодна, Скікевіча).

77. "На 2-м курсе" выпраўлена на "на 2-м и на 4-м курсах" іншым почыркам (верагодна, Скікевіча).

78. "В научно-исслед[овательской] работе" выпраўлена на "во всей студенческой работе" іншым почыркам (верагодна, Скікевіча).

79. Фраза "учитывая то, что его знания не стали его убеждениями" ўпісана іншым почыркам (верагодна, Скікевіча).

80. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМВ далей: "Комиссия по выработке проекта постановления, которая по настоянию Пилипенко, была избрана в конце всех выступлений..." (арк. 32).

...выступлений в составе: - Степанова Т., Фидрус Ю., Маргайлик С., - приступила к работе над проектом.

Поступили предложения от студентов внести в проект постановления следующ[ие]. пункты: о необходимости рекомендовать коммуниста для работы в комсом[ольском] бюро курса; улучшать идейно-политич[ескую] работу на курсе.

Морозова предложила при ОПА⁸¹ обращать особое внимание на оценку личных качеств.

Стёпин говорил о печатных работах студентов, о создании кабинета философии.

Фидрус Ю. зачитал проект постановления. После некоторого редактирования, не касающегося смысла пунктов проекта, он получил следующий вид:

1. Приняв во внимание необходимость улучшения учебно-воспитательного процесса, решительно осудить составление и подписание обращения студентов 2-го курса по поводу требования создания студенческого комитета по контролю за учебно-воспитательным процессом, свободного посещения занятий, что не соответствует уставным нормам высшей школы и комсомольской организации.

2. Ходатайствовать перед бюро к[омитета] к[омсомола] университета о смягчении мер наказания комсомольца Свердлова Л. Ю., принимая во внимание критику недостатков в его работе, ряд положительных качеств Свердлова и его большую работу в комсомольских организациях курса...⁸² а также учитывая осозн...⁸³

4. Усилить идейно-политическую работу на 4-м курсе отделения философии.

5. Ввести в состав комсом[ольского] бюро курса коммуниста для улучшения работы.

6. Обратить особое внимание на личные кач[ест]ва комсомольцев при проведении ОПА⁸⁴.

Проект принят за основу единогласно. Голосовали за принятие постановления по пунктам.

1-й пункт – единогласно.

81 ОПА (тут) — общественно-политическая аттестация.

82. Аркуш абрэзаны, 2 словы прапушчаныя. Гл. заўвагу 83.

83. Аркуш унізе абрэзаны, тэкст страчаны. У экзэмпляры ДАМБ: "...курса и отделения, а также учитывая осознание им своих ошибок.

3. Провести собрание с объяснением прав и обязанностей студентов" (арк. 31).

84. ОПА (тут) — общественно-политическая аттестация.

85. 15 траўня 1981 года Міхаіл Піліпенка заявіў на пасяджэнні партыйнага бюро гістарычнага факультэта пры разглядзе пытання "О воспитательной работе на отделении философии": "Очень плохо на душе от разбирательства этого дела. Работать нужно очень много. Вчера на собрании по вопросу о поведении т. Свердлова правильную позицию заняли только 5 человек из 20. Чтобы изменить это положение, необходимо постоянно и неустанно проводить работу" (НАРБ. Ф. 205, воп. 16, спр. 833, арк. 34).

2-й – 15 – за; 5 – против; 1 воздержался⁸⁵.

3-й, 4-й, 5-й, 6-й пункты – единогласно.

Поручено секретарю собрания представить на бюро к[омитета] к[омсомола] университета выписку с ходатайством по персональному делу Свердлова Л. Ю., в ближайшее время оформить протокол собрания. Костенич, Петрициц, Мишук проверили записи в протоколе по их выступлениям и внесли дополнения, которые полностью учтены в настоящем протоколе.

Председатель: [подпис] Буйко Т.
Секретарь: [подпис] Маргайлик С.

Технология рассмотрения персональных дел, связанных с инакомыслием, в БССР в последние годы Брежневского застоя

Памяти Олега Малащука *
(* См. примечания в конце очерка)

Эту тему для исследования (формулировка несколько тяжеловесная, но достаточно панорамная) я предложил молодым отечественным историкам, заинтересовавшимся событиями, произошедшими на отделении философии исторического факультета Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина в 1981 году – так называемым «делом студентов-философов» или «польско-сионистским антисоветским заговором в БГУ» (с существенным уточнением: заговором, которого не было).** Можно, конечно, выбрать и другой аспект в изучении тех драматических событий: психологический, юридический, этический... Философ Мераб Мамардашвили утверждал: «История есть драма свободы... где каждая точка окружена хаосом».

Леанід Свядлоў пасля будаўнічага атрада. 1979

Историческая (как, впрочем, и любая другая) наука пытается установить «порядок из хаоса». Попробую и я внести свою скромную лепту в упорядочивание «недалёкого» прошлого.

Летом 1982 года заканчивалось моё пребывание в Белгосуниверситете. Я был несказанно рад, что мне удалось доучиться. Кроме того, в мае этого года произошло важное и счастливое событие в моей жизни – бракосочетание с однокурсницей Соней Маргайлик (которой на протяжении всех событий «доброжелатели» неоднократно советовали держаться от Свердлова подальше). Мелкие неприятности, типа получения «четверки» на последнем госэкзамене по диалектическому и историческому материализму («научный коммунизм» я умудрился сдать на «отлично» и также защитил дипломную работу по теме «Структура философского знания»), воспринимались как само собой разумеющееся – не хватало ещё Свердлову получить так называемый «красный диплом»... И так везунчик! В ответ на

моё заявление в ЦК ЛКСМБ, в июле с меня «сняли» строгий выговор с занесением в учетную карточку, которым в октябре 1981 г. заменили исключение из комсомола: очень не хотели, чтобы я обратился по этому поводу с письмом к очередному XIX съезду ВЛКСМ. Казалось, что наступает конец всей этой безумной истории. Хотя я отдавал себе отчет в том, что моё трудоустройство лёгким не будет: ведь в ходе распределения госкомиссией мне (имевшему в приложении к диплому всего три «четверки», а остальные оценки «отлично») ничего конкретного предложено не было. И чувствовалась в их отношении некоторая «загадочность», о сути которой речь далее.

В августе, после возвращения со сборов по линии военной кафедры БГУ, я появился в деканате истфака для получения диплома и выпускной характеристики, которая в те советские времена являлась необходимым документом для оформления при приеме на работу. Меня ждал очередной «шедевр» (см.: Приложение №1). Для придания «объективности» сей документ начинается с перечня некоторых моих заслуг и достижений, целенаправленно переходя к основной части, отразившей неожиданное преобразование Свердлова в закоренелого и коварного «врага народа»... Как сильно им хотелось отомстить мне, как говорится «на посошок»! Как старались напоследок ещё раз вывалить в лживой грязи! Вот тебе «волчий билет» в новую жизнь... Иезуитским сюрпризом стало содержание последнего предложения данной характеристики: «Бюро ЦК ЛКСМБ обратилось к ректорату БГУ им. В.И.Ленина с *просьбой* (курсив мой) при распределении молодых специалистов не рекомендовать Свердлова Л.Ю. на преподавательскую работу». Это решение от меня почти год скрывали. А оно означало запрет на профессию (если занятие философией в принципе можно считать профессией). Вот и ситуация с затянувшимся не распределением прояснилась. Примечательно и то обстоятельство, что осмотровельная Ираида Осиповна Царюк, – декан истфака, – не стала подписывать эту характеристику, а «доверила» сделать это за неё своему заместителю.

Позволю небольшое отступление: я мог бы здесь начать опровергать негативное содержание этой характеристики, приводить аргументы, доказывать, что «я не такой плохой верблюд» и т.п. Но это был бы спор на поле абсурда, которое так заботливо возделывали те, кто сочинял эту характеристику. Я решил поступить иначе, и предлагаю ознакомиться для сравнения с другой своей характеристикой (см.: Приложение №2), с которой в 1977 году я поступал в БГУ. Прочитав эти два текста, каждый сможет сам сделать выводы.

«Кипит наш разум возмущенный...» Понимая, что в университете справедливости не добьюсь, решил я пойти в ЦК ЛКСМБ, где меня всё-таки «помилovali» (хотя, как выяснилось, – частично). 27 августа 1982 г. я побывал на приеме у секретаря ЦК ЛКСМБ Гурина В.В. (который, кстати, являлся председателем комиссии ЦК по разбору моего персонального дела), где состоялся следующий весьма показательный разговор (содержание нашей короткой беседы я записал по памяти сразу же после

ухода из ЦК – незначительные неточности возможны, но суть передана абсолютно точно).

Св.: - В БГУ мне выдали характеристику выпускника. Прошу Вас ознакомиться с ней и пояснить мне, верно ли изложена часть, относящаяся к моему персональному делу?

Гур.: - (Прочитав) Да, верно.

Св.: - Тогда у меня вопрос: Почему только сейчас мне становится известно о ходатайстве ЦК ЛКСМБ, запрещающем мне преподавательскую работу? Ведь ни на заседаниях бюро ЦК в моём присутствии, ни на собрании комсомольской организации на отделении философии, когда доводили до сведения решение ЦК по моему делу, об этом не говорилось.

Гур.: Это носит секретный характер. ЦК имеет на это право.

Св.: Но ведь общеизвестно, что персональные дела у нас не ведутся тайно.

Гур.: Ведутся, когда надо.

Св.: Так что, через 10 месяцев после принятия это решение рассекретилось?

Гур.: (Пробормотал что-то нечленораздельное... Повисла пауза.)

Св.: И почему же тогда в комиссии по распределению мне сказали, что планируют направить меня на преподавательскую работу в Бобруйский автомеханический техникум?

Гур.: Дело университета — придерживаться ходатайства ЦК или нет. Может, Свердлов ведёт себя примерно, и в БГУ не считают нужным воспользоваться нашей рекомендацией.

Св.: Но выговор с меня ЦК снял. Не означает ли снятие наказания и отмену этого ходатайства?

Гур.: Думаю, что нет.

Св.: А как понимать воспроизведение в характеристике обвинений в организации массового срыва занятий на отделении философии, манипулировании общественным мнением студентов и прочее подобное? Ведь при разборе моего персонального дела от всего этого отказались.

Гур.: ЦК не ставил Вам это в вину. Разбирайтесь с этим сами в университете!

На этом разговор был завершён. Полагаю, комментарии излишни.

Что ж, начинался дополнительный раунд моих боданий с системой. Но я уже был опытным «телёнком». И в результате через два с половиной месяца добился-таки государственного распределения. И не в Бобруйск (куда, по всей видимости, меня никто и не собирался распределять – просто ёрничали), а в тогдашнюю «Мекку» белорусского обществоведения – Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при Белорусском государственном университете. Правда – на кафедру педагогики и методики преподавания общественных наук, старшим лаборантом. (О чём, постфактум могу сказать,нисколько не жалею.) Стоит отметить, что совпало это с кончиной «дорогого» Леонида Ильича Брежнева:

генсек умер 10 ноября 1982 года, а первая запись в моей трудовой книжке датирована 15 ноября 1982 г. Имелась ли между этими событиями какая-то связь или это просто символическая случайность – неведомо. А описание перипетий моего трудоустройства, как говорится, тема для отдельной (тоже основательно документированной) истории.

Вспоминая происшедшее, я задавался вопросом: «Почему же всё-таки расправу надо мной не довели до логического конца? Что остановило эту свору патологических карьеристов, дремучих антисемитов и просто бессовестных людей?» Да, я активно «барахтался» (оспаривал обвинения, писал объяснительные, направлял ходатайства, подавал апелляции), «утопая в кувшине с ... (не поднимается рука написать «молоком»)). Но это было бы бесполезно, если бы не помощь и поддержка со стороны большинства однокурсников, да и большинства студентов других курсов отделения философии, многих студентов-политэкономов, историков (не дрогнувших перед угрозами «старших товарищей», не поддавшихся на посулы льгот и привилегий, не смалодушничавших перед уговорами проявить благоразумие, не согласившихся с агрессивной административно-партийной демагогией об «очищении рядов от скверны», «вы за трудящихся или нет?» и т. п.), а главное – со стороны наших преподавателей: назову лишь двух из них, отстоявших меня в самом начале развернувшейся «борьбы с антисоветским польско-сионистским заговором»: Виктор Иванович Овчаренко и Михаил Иванович Иосько. Отсутствие единогласного «Одобрямс!» и «Ату его, ату!», обескуражило моих гонителей на первом этапе «схватки». Однако массовое «непослушание» быстро квалифицировали как подтверждение наличия «нездоровой обстановки» на отделении философии. Затем подоспела помощь моих родных: в ряд инстанций написали возмущенные письма мама и моя тётя – сельский учитель словесности, простой настоящий коммунист с двадцатипятилетним партстажем. Но на их письма пришли однотипные ответы: Вы неверно информированы о произошедшем сыном (племянником), а тщательная проверка подтверждает правильность исключения Свердлова Л. Ю. из комсомола. «Осиновый кол» в эту подлую затею тогдашнего университетского руководства «забила» заведующая учебно-методическим кабинетом кафедры марксистско-ленинской философии естественнонаучных факультетов БГУ Станислава Петровна Сахарова (ветеран Великой Отечественной войны, сапёр 5-й ударной армии – о ней упомянуто в известной книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо»), написавшая пространное письмо в защиту студентов Председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше. Основу её письма составляли вопросы: так ли неправы студенты, обращая внимание на серьезные недостатки учебно-воспитательного процесса в Белгосуниверситете? Уместно ли негативно оценивать инициативу студентов-философов, когда молодежь повсеместно призывается к проявлению активной жизненной позиции? И если имеет место разбирательство настоящего политического дела, то почему наказываются

только студенты, а не те, кто ими руководил в период учебы в университете – кураторы, заведующие кафедрами, представители деканата, ректората, парткома? Когда из Москвы пошли запросы: «Что это там у вас происходит?» – бездарные режиссеры, слепившие из безобидной студенческой «мухи» нелепый «слоноспектакль» с разоблачением диссидентского заговора, очень обеспокоились. Ведь вместо ожидаемых наград и поощрений и для них могли последовать неприятные оргвыводы... Надо же, как повернулось: пришло время и им подавать объяснительные!

Назову некоторых из тех, кто придумывал студенческое «дело», организовывал расправу над неугодными студентами, вынуждал их клеветать друг на друга, самозабвенно сочинял и писал доносы, стремясь опорочить ближнего и заработать благосклонность начальства, ревностно исполнял «указания свыше», цинично «подливал масло в огонь разгоравшегося костра инквизиции»: Елисеев М. Г., Царюк И. О., Пилипенко М. Ф., Давидюк Г. П., Скикевич А. А., Рухля А. Н., Горанин П. А., Аксючиц П. Г., Новик А., Гутовец А., Петричиц В., Мишук С.

Есть Божий суд,
Есть суд потомства,
Сей суд прочтет им приговор:
И на века, за вероломство
Он впишет имя их в позор!

Интересно и другое. Работая в ИПК при БГУ с 1982 по 1992 годы, я наблюдал, как, словно хамелеоны, идеологически «мимикрировали» эти «воинствующие материалисты» и фанатичные марксисты-ленинцы по мере развития перестроечных процессов, деградации советской власти и вызревавшего развала СССР. Так, ярый поборник социологии Маркса вдруг становился последовательным адептом буржуазного социолога Макса Вебера. А один «научный коммунист» (доктор философских наук, профессор) заявил на своей лекции, что только круглый дурак не меняет своих убеждений сообразно обстоятельствам. И кто-то из слушателей, сидящих в актовом зале ИПК, бросил вслед саркастическую реплику: «Как жаль, что вас не было рядом с генералом Карбышевым, когда ему предлагали предать Родину в обмен на благополучную жизнь с фашистами. Вы бы переубедили его...» «Прикладные социологи» периода застоя в одночасье преобразовывались в «социологов перестройки», а впоследствии (когда стало безопасно и выгодно) и в активных критиков «единственно правильного учения». К примеру, кто бы мог представить во время шабаша по преследованию студентов-философов, что через 10 лет Георгий Петрович Давидюк напишет следующее: «За 70 лет господства командно-административной системы управления наше студенчество оказалось изолированным от новейшей информации, мировой культуры, науки, новых философских школ, их концепций. Выход из данного положения лежит прежде всего на пути перехода от одностороннего

преподавания философии, сводящего всё мышление к диалектико-материалистическому пониманию, толкованию и объяснению окружающего нас мира и нашего собственного «Я», к многонаправленности, к плюрализму...» Прямо из крамольного студенческого «Обращения» почерпнул идеи принципиальнейший «красный профессор». И эти «оборотни» обвиняли меня в политической незрелости! Где-то вы теперь, нестойкие оловянно-деревянные солдаты партии: Шаплыко, Гурин, Хмельевская, Мошкарров, Драговец, Рухля, Аксючиц?..***

За период разбора моего персонального дела от исключения из комсомола в мае 1981 г. (см.: Приложение №3) до снятия строгого выговора в июле 1982 г. в чём только меня не обвиняли. Диапазон – от мелкого хулиганства до политического преступления (благо, тогда ещё не додумались до универсального «безадресно и беспричинно ругался матом в общественном месте»). «Подгребалось» всё за годы учебы, что могло бы хоть как-то скомпрометировать меня. Но особый садизм заключался в вопросах и сентенциях типа: «Как ты думаешь, за что тебя исключили из комсомола? Ты, может быть, хочешь восстановиться в комсомоле только для того, чтобы продолжить обучение в университете? Как и за что ты наказал бы себя? Это не мы тебе, а ты нам должен сказать, в чём ты виноват. Ты что, не понимаешь, что с тебя особый спрос?» Всё делалось в лучших традициях сталинского правосудия: и обвинительный уклон вместо презумпции невиновности, и не донесешь на ближнего – сам будешь виноват, и стремление растоптать человеческое достоинство. (Очень точно суть этих «разбирательств» подметил Михаил Ходорковский: «Господам в погонах вообще не надо ничего доказывать – их слова принимаются на веру, а мои лишь брезгливо выслушиваются, чтобы не быть принятыми во

Студэнты аддзялення філасофіі адпачываюць пасля працы. Будаўнічы атрад імя Ф. Скарыны. Вёска Сціклева пад Мінскам. 1979

внимание... Больше всего ранит отказ признать в тебе человека, равного, говорящего правду...»). Но я хочу обратить внимание на то, что все те обвинения, которые «вешали» на меня, можно было бы (на реальных, а не придуманных основаниях) предъявить как раз моим гонителям: в состряпанных ими материалах моих персональных дел (во всех инстанциях) немало фактов искажения и фальсификации документов, грубейших нарушений Устава ВЛКСМ, манипулирования общественным мнением, а уж предвзятости, неискренности и лжи – не меряно. По наивности (очевидно, «политической»), далеко не сразу мне стало понятно, что никого из рассматривающих моё персональное дело не интересует установление истины, достижение справедливости, а уж тем более оправдание меня. Им (как, впрочем, представителям любой бюрократии) было важно только угодить начальству и не подставиться самим, набрав по ходу некоторое количество карьерных очков. С кем я решил тягаться? Разве могут быть неправы деканат истфака, партком и ректорат БГУ? Разве могут ошибаться горком, обком и ЦК ЛКСМБ? (Была, правда, ещё одна могущественная структура с известной трехбуквенной аббревиатурой, несомненно проявлявшая интерес к происходившему. Но её, прежде всего, озадачивала другая проблема: «Куда делись тексты «Обращения», коллективно подписанные студентами? Не «всплывут» ли они за рубежом, и (как пел Владимир Высоцкий) «об этом в понедельник растрелят по Би-Би-Си»?) Так что, попав в жернова этой бездушной машины, я был виноват «априори». (Единственный, если так можно выразиться, плюс в сложившейся ситуации заключался в том, что на мне эта набиравшая репрессивные обороты машина зациклилась и, в конце концов, увязла.) К тому же, с точки зрения властей, «озабоченных» студенческой инициативой, на роль «демона

Эцюд у выкананні студэнтаў адзялення філасофіі. Будаўнічы атрад імя Ф. Скарыны. Вёска Сціклева пад Мінскам. 1979

контрреволюции» я оптимально подходил по анкетным данным, и меня «назначили» практически главным заговорщиком. Слабым утешением служила мысль Ю. М. Лотмана о том, что во все времена именно интеллигентные люди, как правило, становятся первыми жертвами агрессии любого вида. Следовательно, речь могла идти только о степени моего наказания. Ещё раз процитирую Владимира Семёновича: «Распяли, но не сильно...» Некоторым довелось куда как горше. Вспомним Олега Малащука...

И всё же, почему произошёл этот жестокий накат на студентов? По моему, отнюдь не коллективное письмо явилось тому причиной, тем паче, что власть имущие и большинство их приспешников «Обращение» не читали (у них не было такой возможности), но, в соответствии с известной советской традицией, горячо и единодушно его осуждали. Это был только повод для расправы. Искоренить пытались саму возможность инакомыслия в студенческой среде, дух свободомыслия в университете, робкие претензии молодых людей на самостоятельное мнение по волнующим их проблемам, критические умонастроения, присущие философскому мировосприятию. Нам не могли простить попытку создания на философском отделении комсомольской первички «с человеческим лицом» – молодежной организации, участвовать в деятельности которой было интересно, полезно, небезразлично. Карали за юмористический праздник-фестиваль «Дни философа», «Стену студократии», неприятие догматизма и формализма в учебном процессе. А ведь даже знакомясь с трудами Маркса, мы изучали не только апологетику коммунизма, но и, к примеру, такие его идеи, как: «Первой основой философского исследования является смелый свободный дух...» И вот среди студентов философского отделения стало появляться всё больше личностей с творческим началом по отношению к окружающей реальности, к своей жизни; личностей, не отделявших «введение в специальность» от «введения в человечность»; личностей, способных «шагнуть за флажки» (несомненно, метафоры Высоцкого наиболее точны в применении к нашей тогдашней действительности). Борис Кондратов, Ольга Сивицкая, Татьяна Буйко, Игорь Косич, Виктор Шихутин, Марина Сомова, Владимир Люкевич, Наталья Хотяновская, Светлана Корявая, Светлана Морозова, Любовь Костюченко, Сергей Сушков, Виктор Ломако, Владимир Фурс, Александр Камоцкий, Олег Малащук... Этот перечень достойных имён можно продолжать и продолжать.

В моём университетском дипломе (как, впрочем, и у остальных тогдашних выпускников философского отделения БГУ) указана квалификация «Философ, преподаватель философии». Поскольку стезя преподавателя философии (уверен – я был бы очень хорошим преподавателем философии) оказалась для меня недоступной, оставалось быть «просто философом». Имеет место ироничная (хотя, отчасти в чём-то и справедливая) точка зрения, что основным предметом философии является поиск ответа на вопрос «Что такое философия?» И каждый философ не находит покоя до тех пор, пока не даст свой оригинальный ответ на этот вопрос. Когда-то я сформулировал (и даже опубликовал в тезисах докладов какой-то научной конференции) такое определение: философия – особый тип духовно-практической деятельности, направленный на исследование предельных оснований космо-гео-био-социо-культуро-техно-антропосферы с целью её объяснения и изменения, руководствуясь идеалами истины, добра и красоты, в интересах развития человека и прогресса человеческой цивилизации.

Хорошо бы соответствовать.

* Малащук Олег Сергеевич – студент 2-ого курса отделения философии, исключенный в мае 1981 г. из БГУ с формулировкой «за нарушение учебной дисциплины и недостойное поведение, порочащее звание советского студента». Отслужив в армии, он пытался восстановиться на учебу, но получил категорический отказ. 26 июля 1984 года Олег покончил собой, выбросившись из окна учебной аудитории исторического факультета шестого этажа главного корпуса университета, выходящего на площадь Ленина.

** В апреле 1981 г. группа студентов отделения философии (преимущественно активность проявили второкурсники – **см. Post Scriptum**) исторического факультета БГУ (в которую я, Леонид Свердлов, автор данного очерка, не входил) составила письмо-обращение, содержащее критические замечания о состоянии учебного процесса, а также предложения по его улучшению, и провела сбор подписей под ним, планируя обсудить его на открытом собрании комсомольской организации философского отделения. «Обращение» подписали большинство студентов. Эта инициатива вызвала крайне негативную реакцию со стороны партийно-административного руководства факультета и университета, решившего выявить «неблагонадежных» студентов и провести их показательную «порку». Несмотря на жёсткую индивидуальную и коллективную «проработку», требование безоговорочно осудить «Обращение» и отказаться от подписей под ним, – многие студенты отделения философии не усматривали в содеянном ничего противоправного. Тогда в спешном порядке на «непокорных» стали заводиться и разбираться партийные и комсомольские персональные дела, выноситься различные взыскания. При этом, не желая придавать широкой огласке происходящее, студентов формально наказывали не за участие в написании, обсуждении, подписании, поддержке «Обращения», а по надуманным обвинениям. К примеру, мне для исключения из комсомола инкриминировали то хищение журналов учета посещаемости занятий, то снятие и прятание учебного расписания (разумеется, ни того, ни другого я не совершал), а уже из этого вытекали следующие обвинения: то «причастность к срыву занятий на 2-м курсе», то «организация массового срыва занятий на отделении философии» (по-моему, они сами запутались, сочиняя «состав преступления» повесомее); отрицание мною вины далее квалифицировалось как «неискренность и обман комсомольской организации»; и только закамуфлированным намеком на «Обращение» к вышеназванному присовокуплялись «причастность к искажению протокола комсомольского собрания 2 курса» и позже «манипулировал общественным мнением студентов, давая ему произвольную трактовку». Как говорится, маразм крепчал по ходу дела! На студентов «давили» и через профессорско-преподавательский состав, особенно через родителей, чьи дети в изрядном количестве учились на отделении. Под репрессивной лавиной, в обстановке

истероидной «охоты на ведьм» некоторые студенты попытались упредить неизбежное исключение, и кто-то (как Олег Малащук) предпочел спешно уйти служить в армию (но его всё равно исключили «вдогонку»); кто-то (как Валерий Золотарь) смог оформить академический отпуск, а затем перевестись на заочное обучение; а кто-то (как Саша Жавнерович и ещё некоторые) дал требуемые показания на своих товарищей... Не удивительно, что вскоре по университету и за его пределами поползли слухи о чуть ли не студенческом бунте, «естественно», руководимом из-за рубежа, и т. п. Так в общих чертах создавался и раскручивался данный (полагаю, достойный эпитета «кафкианский») «заговор».

*** Фамилии вождей-функционеров белорусского комсомола различного уровня (ЦК, обком, горком, БГУ), принимавших участие в разборе моего персонального дела.

Ноябрь 2013 г.
Леонид Свердлов

P.S.: 29 ноября 2013 г. в Центре развития студенческих инициатив в Минске был проведен круглый стол «Коллективное обращение студентов-философов 1981 года: значение для сегодняшней Беларуси», организованный группой по изучению неконформизма в БССР «Кружэлка». Состоявшийся там обмен мнениями побудил меня дополнить свой очерк, поскольку я считаю нижеизложенные аспекты весьма важными для понимания сути произошедшего.

1. Принявший участие в дискуссии В. Золотарь акцентировал внимание на то обстоятельство, что «Обращение» студентов являлось не коллективным, а авторским текстом, написанным второкурсницей Инной Войцкой. В связи с этим хочу заметить, что документа в формате «Обращение И. Войцкой к студентам отделения философии» не было. И под текстами «Обращения», распространявшимися для сбора подписей студентов, не стояло указание на авторство И. Войцкой или её авторской подписи. Уверен: если бы «Обращение» было оформлено подобным образом, оно не имело бы того резонанса, который случился. Студенты отделения философии обсуждали и подписывали данное «Обращение», воспринимая его как групповое «воззвание» от имени второкурсников. Тем более, что ни И. Войцкая, ни её супруг, студент 4-го курса В. Золотарь, не принимали активного участия в организации сбора подписей под «Обращением».

2. Также В. Золотарем высказана точка зрения, что, подписывая «Обращение», студенты должны были осознавать его протестный контекст и вероятную репрессивную реакцию со стороны властей. Я же уверен, что абсолютное большинство подписавших «Обращение» студентов, не являясь ни антикоммунистами, ни антисоветчиками, ни диссидентами,

подобного не предполагали. Да, и догматичными марксистами-ленинцами значительная часть из них не являлась. Нас озадачивало то обстоятельство, что окружающая действительность мало коррелировала с подлинными идеалами коммунизма. Многие из нас считали возможной модернизацию социализма. Принятие «Обращения» воспринималось нами не политическим демаршем, а некоей попыткой символического заявления: мы стремимся стать настоящими философами и намерены устранить всё то, что мешает нам совершенствоваться в своей профессии; мы хотим служить истине, добру, красоте, приносить пользу родине своей работой; мы выступаем за гуманистические ценности («Человек есть мера всех вещей!»), против системного «расчеловечивания» и обезличивания.

Были ли эти иллюзии своего рода *сопротивлением* (неосознанным) режиму? Наверное, да. Но только в том смысле, что «капля камень точит». Потенциал исторических перемен накапливается очень неспешно и складывается из неприметных маленьких событий. Гегелевский крот истории подрывает существующий порядок вещей медленно, но неуклонно. Как образно отметил в одном из своих произведений писатель В. Пелевин: «Еле заметное, трудноопределимое и непонятно даже в какой момент происходящее усилие – и есть тот космический двигатель, который переносит нас из одной вселенной в другую». Отделение философии тогда представляло собой в БГУ своеобразную «мини-вселенную», в которой всё ярче сияли солнце ироничного юмора и луна карнавальной сатиры, направляя свой очистительный свет на окружающий нас мир. Случившаяся «солнечная буря» была проявлением интеллектуального, нравственного и эстетического нонконформизма, так свойственного многим молодым людям в пору студенчества. И агрессивная, мелочная, мстительная власть почувствовала это. («Насмешки даже тот боится, кто не боится ничего...») И по ряду причин квалифицировала как покушение на устои! Согласно мнению известного российского публициста Дмитрия Быкова: «Упыри разных мастей обладают острым чутьем на талант, благородство, духовную силу, которые им ненавистны». И сделала всё возможное, чтобы не допустить превосходства веры над страхом, милосердия и сочувствия над разобщенностью и подозрительностью, инициативы над апатией, свободы над жестокостью, надежды над отчаянием...

Казалось, что всё произошедшее тогда, в 1981 году, кануло в лету безмолвия. Но память сильнее времени!

Приложения

№1. Характеристика студента 5 курса отделения философии исторического факультета Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В.И.Ленина СВЕРДЛОВА Леонида Юльевича (копия).

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

студента 5 курса отделения философии исторического факультета Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В.И.Ленина

СВЕРДЛОВА Леонида Юльевича

1960 года рождения,
септ. члена ВЛКСМ с
апреля 1974 года

Свердлов Л.Ю. поступил в Белгосуниверситет имени В.И.Ленина в 1977 году. Учился на "отлично" и "хорошо", награжден значком ЦК ВЛКСМ и Минвуза СССР "За отличную учёбу".

Свердлов Л.Ю. принимал активное участие в студенческой научной работе, выступал на республиканской и всесоюзной конференциях. В 1981 г. стал лауреатом VII Всесоюзного конкурса студенческих научных работ. Его работа "Духовенный идеал Игнатия Лойолы" удостоена Диплома I-й степени. По итогам конкурса награжден Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ и Минвуза СССР.

Свердлов Л.Ю. принимал участие в общественной работе. Выполнил общественные поручения члена комсомольского бюро курса и отделения, секретари бюро комсомольской организации отделения философии, старости кружка и курса. По общественно-политической аттестации получил следующие оценки: "отлично" (1979 г.), "хорошо" (1980 г.), "отлично" (1981 г.), "удовлетворительно" (1982 г.).

Свердлов Л.Ю. начитан, интеллигентен, интересуется театральным искусством, прозаическими кинофильмами, литературой.

Вместе с тем, за годы учёбы проявились и отрицательные качества Свердлова Л.Ю. — склонность к индивидуализму и эгоизму, политическая незрелость, несамостоятельность, недостаточная принципиальность в оц-

познавших с товарищами. В апреле 1981 г. Свердлов Л.Ю. совершил серьезный проступок, поставивший его вне рядов комсомола - спиритизм, расписание учебных занятий и являлся одним из организаторов массового срыва занятий на отделении философии, при этом манипулировал общественным мнением студентов, давал ему провокальную трактовку. При рассмотрении персонального дела по всем инстанциям до обкома комсомола включительно Свердлов Л.Ю. вел себя неискренне, отрицая свою причастность к происшедшему и вины не признавал. В октябре 1981 г. апелляцию Свердлова Л.Ю. рассматривало бюро ЦК ЛКСМБ. Его действия были признаны несовместимыми со званием члена ЛКСМБ, однако учитывал хорошую и отличную учёбу и признавал им своей вины, во изменение решения Минского ОК ЛКСМБ, Свердлову Л.Ю. за происшедшую политическую незрелость был объявлен строгий выговор с занесением в учебную карточку. Бюро ЦК ЛКСМБ обратилось к ректорату БГУ им. П.М.Ленина с просьбой при распределении вакансий специалистов не рекомендовать Свердлова Л.Ю. на преподавательскую работу.

Д е к а н
исторического факультета
профессор

/ЛАРК Н.О./

Секретарь
комитета комсомола исторического
факультета

И. А. Сивачев

/СИВАЧЕВ И.А./

Председатель
профбюро исторического факультета

/КАРАВАЕВ Н.В./

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А
на выпускника средней школы № 2 г. Верхнедвинска
Витебской области

СВЕРДЛОВА Леонида Ильевича

1960 года рождения, еврей,
член ВЛКСМ с 1974 года.

Свердлов Леонид за время обучения в школе показал себя вдумчивым, пытливым, любознательным, способным учеником. На протяжении 10-и учебных лет предметы школьного курса он усваивал только на "отлично". Имеет глубокие, прочные знания по всем предметам. Много огромного трудолюбия, исключительной добросовестности, усидчивости, упорства в борьбе за знания. В старших классах определялся его особый интерес к гуманитарным наукам: литературе, истории, обществоведению. Часто на этих уроках выступал с сообщениями, докладами. Занимал первое место в районном смотре школьных сочинения "Жизнь биография", посвященном 60-летию Великого Октября.

Его ответы на уроках показали зрелость суждений выпускника, умение логически мыслить, самостоятельно анализировать и обобщать, практически использовать свои знания. За успехи в учебе награжден значком ЦК ВЛКСМ "За отличную учебу". Много и осознанно занимается самообразованием; углубляя свои знания по физике и математике на факультативных занятиях. Принимал активное участие в предметных олимпиадах, неоднократно становился их победителем.

Леонид принимал активное участие в общественной жизни школы, являлся инициатором многих интересных и полезных дел коллектива. Дважды был избран секретарем школьной комсомольской организации. Высоко развито чувство ответственности за порученное дело. Умеет довести его до конца. Среди сверстников пользуется уважением, умеет дружить, понимает чувство долга и товарищества.

Эрудирован, политически грамотен, регулярно читает газеты, глубоко разбирается в политических событиях в стране и за рубежом.

Много нравственный, гуманный, справедливый, очень тонко чувству-

ет трудности и нужды товарищей--всегда готов помочь, хороший сын.

В работе исполнитель, трудолюбив, на любом ее участке трудился охотно.

Можно с уверенностью надеяться, что Леонид и в будущей жизни не растеряется и будет так же твердо впитывать в себя знания и так же добросовестно работать, как это он делал в школе.

Председатель комитета

Каждый руководитель

Секретарь комитета

комсомола

Величко

sf

Миронова

/И.Величко/

/Л.Миронова/

/С.М.Сленок/.

№3. Выписка из протокола № 38 заседания бюро комитета комсомола БГУ им. В. И. Ленина от 15 мая 1981 г. (копия)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Пролетары всіх країн, єднайтесь!

Усеважны Ленінскі Камуністычны Саюз Молодзі

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи

КАМІТЭТ НАМСАМОЛА

КОМИТЕТ КОМСОМОЛА

**БЕЛАРУСКАГА ордена ПРАЦОЎНАГА
ЧЫРВОНАГА СЦЯГА дзяржаўнага
УНІВЕРСИТАТА імя У. І. ЛЕНІНА**

**БЕЛУСКОГО ордена ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ государственного
УНИВЕРСИТЕТА имено В. И. ЛЕНИНА**

Гор. Минск, Универсітэцкі гарадок

Телефон 22-65-72

№ _____

18 мая 1981 г.

ВЫПИСКА
из протокола № 38 заседания бюро комитета
комсомола БГУ им. В. И. Ленина

от 15 мая 1981 года.

СЛУШАЛИ: Персональное дело СЕРДЛОВА Леонида Вильевича, 1963 года рождения, студент, член ВЛКСМ с 1974 года, студента 2 курса отделения философии исторического факультета.

СУТЬ ДЕЛА: Свердлов Л.В. принимал участие в сессии занятия на 2 курсе отделения философии, причастен к искажению протокола комсомольского собрания 2 курса отделения философии.

ПОСТАНОВИЛИ: за грубое нарушение Устава ВЛКСМ, выразившееся ~~в~~ в причастности к сессии занятия на 2 курсе отделения философии, к хищению ~~курсов~~ курсов учета посещаемости, за неискренность и обман комсомольской организации исторического факультета, за причастность к искажению документов комсомольского собрания исключить Свердлова Л.В. из рядов ВЛКСМ.

Секретарь
комитета комсомола БГУ им. В. И. Ленина А. Н. Рухи.

Зак. 2321

Калектыўны зварот студэнтаў-філосафаў 1981 года

Навукова-папулярнае выданне. Укладальнік *Уладзімір Валодзін*
Наклад 300 асобнікаў. Надрукавана на капіравальным абсталяванні.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Група па даследаванні нонканфармізму ў БССР “Кружэлка”
<http://kruzhelka.noblogs.org>
history.kruzhelka@gmail.com

